

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Грязная Магия

Дмитрий Львович Казаков
Грязная магия
Серия «Лоскутный мир», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131683
Грязная магия: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36165-6

Аннотация

Тяжелые времена настали в Ква-Ква, величайшем городе Лоскутного мира.

Пришло время выборов, и противники пустили в ход самые грязные магические приемы. Отдельные районы охватило безумие, именуемое сетевым мракетингом, а из библиотеки Магического Университета сбежала просидевшая тысячи лет под замком книга, напичканная жуткими заклинаниями.

И почему-то без Арса Топыряка, студента кафедры демонологии, не удастся разобраться во всех напастях...

Содержание

Предисловие	4
Целое море грязи	6
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	62
Глава 4	89
Глава 5	118
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Казakov

Грязная магия

Предисловие

Лоскутный мир похож на болтающийся в космосе шахматный столик.

Но только издалека. Отличия начинаются с того, что клеток здесь не шестьдесят четыре, а пять тысяч, и цветов не два, а великое множество – желтизна пустынь, синева морей, зелень лесов...

На самом столике можно найти сотни видов фигур, среди которых есть привычные шахматисту слоны, кони, короли и пешки. Но прочие, которых подавляющее большинство, ходят порой так замысловато, что нарушают правила самой благородной игры.

Любому игроку здесь пришлось бы нелегко. Но, тем не менее, на пространстве Лоскутного мира ведутся игры, сложные, хитрые и опасные для жизни и здоровья тех, кто помимо своей воли стал фигурой.

Игроки – боги, волшебники, правители – используют самые разные средства, чтобы двигать по громадной доске свои фишки, и первое место среди этих средств занимает магия.

Порой очень ГРЯЗНАЯ магия!

*Ассенизаторам, врачам и политикам – всем тем,
кто имеет дело с грязной стороной реальности.*

Целое море грязи

Глава 1

Утро в Лоскутном мире имеет свои особенности. Из-за того что его плоская поверхность лишена кривизны, тут не бывает сумерек. Солнце выкатывается из-за стены гор, ограничивающих мир, и освещает сразу все Лоскуты, не тратя времени, чтобы выйти на максимальный уровень яркости.

Вот и в это утро светило, воспользовавшись отсутствием облаков, обрушило на самый большой, грязный и мерзкий город Лоскутного мира, носящий поэтическое название Ква-Ква, настоящую лавину сияния.

Наглые солнечные лучи пробрались в дома, заглянули за шторы. Не пощадили они расположенный в центре города громадный дворец, на первый взгляд выглядящий беспорядочным нагромождением кубов и цилиндров.

На второй, кстати, тоже.

Найдя щель в занавесках, острый и прямой, как копьё из золота, луч проник в расположенную на вершине одного из цилиндров комнату. Скачком преодолел ее и уперся в открытый рот спящего человека.

Изо рта жутко воняло перегаром. Луч испуганно отпрянул

и вонзился человеку в глаз.

Хозяин глаза дернулся и недовольно всхрипнул.

Обладай солнечный свет хотя бы зачатками рассудка и понятием о такой важной для разумных существ вещи, как служебная иерархия, он бы при этом звуке испуганно замер, а потом удалился на цыпочках.

Но увы, даже боги, которых в Лоскутном мире предостаточно, не в силах научить свет субординации, и мэр Ква-Ква Мосик Лужа проснулся. И тут же поднял руку, прикрываясь от настырного луча.

В этот момент мэр искренне пожалел, что не находится в одной из подземных камер городской тюрьмы, официально именуемой Место Временного Тишайшего Отдохновения. Свет допускался туда только по большим праздникам, да и то – тусклый, приятный для глаз.

Какой не вызывает пульсирующей головной боли.

Но вчера Мосик Лужа находился в таком состоянии, что даже тюремные стражники отказались бы предоставить ему ночлег. Разве только в том случае, если бы пили вместе с ним...

Приложив невероятные усилия, мэр огляделся. Обозримый кусочек вселенной колыхался и шел волнами, но все же Мосик Лужа опознал в нем собственный кабинет. Именно тут он вчера и «заработался» допоздна...

Чем завершилась работа, мэр помнил смутно. Оставалось надеяться, что обошлось без разрушений и вызова девиц, чье

единственное жизненное назначение – составлять компанию скучающим мужчинам.

Встав на дрожащие нижние конечности, Мосик Лужа заковылял к столу. Там, в одном из ящичков, хранилась крошечная бутылка настоящего горского вискаса, напитка безумно дорогого, но в данный момент просто необходимо-го.

– У, хммм! – глубокомысленно сказал мэр, когда янтарная жидкость обожгла ему горло. – А-ха...

После второго глотка в голове прояснилось, а конечности стали меньше дрожать. С глубоким стоном Мосик Лужа опустился в кресло и машинальным жестом надавил рычажок, торчащий из стенки расположившегося на столе сундучка из черного дерева.

С такого нажатия мэр начинал каждый рабочий день.

Внутри сундучка что-то взвизгнуло, точно там наступили на хвост сразу пяти кошкам, потом захрипело, закашляло, и хриплый голос, наводящий на мысль о вредных привычках, произнес:

– Сегодня день Отважного Зайца Десятого месяца. Назначены встречи: с управителем бань на полдень, с начальником городской стражи на...

Черный сундучок – шедевр одного из мастеров предметной магии – назывался напоминайзер. Время от времени мэр, откинув крышку, сообщал его чреву о предстоящих делах, о которых боялся забыть.

И в нужный день напоминайзер сообщал обо всем, о чем слышал раньше. В отличие от секретарей, он ничего не путал и не забывал и никогда не пытался использовать полученную информацию в корыстных целях. Его работа иногда сопровождалась пугающими эффектами, но мэр, хоть и побаивался магической штуковины, обойтись без нее не мог.

Сегодня Мосик Лужа слушал вполуха, переживая волнительное состояние, известное под названием «похмелье».

– Также должен напомнить, – каркающим голосом сообщил сундучок, закончив перечисление встреч, – что до выборов осталось два месяца и двадцать дней...

Известие это подействовало на мэра сильнее удара шилом в седалище. Он подскочил в кресле, едва не протаранив головой потолок, и издал звук, похожий на предсмертный хрип удавленника.

Неужели выборы так скоро?

В отличие от множества Лоскутов, где передача власти проходит традиционным образом (чаще всего с помощью вспомогательных средств в виде отравления, удара кинжалом или случайного падения в реку), обитатели Ква-Ква своего главу выбирают.

Традиция эта возникла давно и сохранялась неизменной многие тысячи лет. Первоначально над ней смеялись по всему Лоскутному миру, а потом привыкли и смеяться перестали.

Претендовать на мэрское кресло, как и голосовать, мог

любой владелец городской недвижимости, даже если эта недвижимость представляла собой кучу гнилых досок.

– О боги, – сказал Мосик Лужа, с внезапным холодком осознавая, что если он хочет остаться хозяином уютного кабинета (и города в придачу) еще на четыре года, то ему нужно начинать действовать. Конкуренты наверняка роют землю, готовясь к борьбе за власть.

– Сарданька! – мэр повысил голос. – Быстро сюда!

Дверь в кабинет скрипнула, и пред очами Мосика Лужи возник тощий молодец с угодливым взглядом. Он откликнулся на звучное имя Сарданапал и исполнял при мэре должность юноши на побегушках.

– Сарданька, – велел Мосик Лужа, – срочно ко мне этих... как их... советников!

Мысли в мэрской голове, тяжелой после вчерашнего, слегка путались.

– Всех? – уточнил Сарданапал, изогнувшись вопросительным знаком.

– Всех, и быстро!

Юноша на побегушках исчез, словно его утащили демоны. Мосик Лужа, осев в кресле, про себя обратился с выразительным воззванием сразу ко всем богам, прося у них ясности ума.

Дойди эта молитва до Влимпа, исполинского горного массива, избранного богами для проживания, она бы вызвала среди его обитателей некоторый переполох. Как боги могут

дать человеку то, чего им самим не хватает?

К счастью, молитва потерялась где-то по дороге.

В кабинете один за другим стали появляться советники. Почтительно кланяясь, они рассаживались вокруг длинного стола, стоящего торцом к мэрскому. Никто из них удивительным образом не заметил висящий в воздухе аромат перегара. Объяснить подобный феномен можно было лишь той гибкостью, которую приобретает восприятие людей, близких к власти.

Советнику короля, императора, мэра или князя иногда приходится замечать то, чего нет, и в упор не видеть реально существующее. И от этого умения напрямую зависит целостность столь важного органа, как голова.

– Кхм-угхм, – сказал Мосик Лужа, когда собрались все.

Советники ждали продолжения.

– Известно ли вам, что через два с небольшим месяца у нас выборы? – в голосе мэра дрожало предвкушение гнева.

– Да, – боязливо пискнул кто-то из советников, самый смелый или самый глупый (хотя одно вовсе не исключает другого).

– Так что же вы молчите? – гнев все не прорывался, и советники чувствовали себя неуютно. Куда легче видеть перед собой начальство метающее грома и молнии, чем только собирающееся это сделать.

– Э, – подал голос самый древний из советников, Глагол Пис. Он пережил с десятков мэров, а в мэрском дворце про-

существовал так долго, что успел позабыть, как выглядит город за его пределами. Хотя подобная беспамятность частенько одолевает и более молодых чиновников. – Не хотели вас беспокоить...

– Не хотели? – гнев, наконец-то, прорвался. – А места свои сохранить хотели? Придет новый мэр и выгонит вас всех, дармоедов, к демонской бабушке!

У советников были на этот повод определенные сомнения, но они предпочли оставить их при себе.

– Так что вот, – сказал мэр, прокричавшись. – Мы вступаем в грязную политическую игру! С сегодняшнего дня вам придется напрячь заплывшие жиром мозги и работать по двадцать пять... нет, тридцать пять часов в сутки!

Советники дружно вздохнули. Грязи они не боялись, но слово «работать» вызывало в чиновничьих мозгах какие-то неприятные, хотя и смутные воспоминания.

Ква-Ква – очень большой город, но велик он не только в длину и ширину, а еще и в глубину. Под домами и мостовыми лежит мир подвалов, колодцев и тоннелей, настолько обширный, что его иногда называют Большой Ква-Ква.

И там, внизу, кипит своя жизнь, не менее бурная, хотя и несколько грязноватая.

– Наша служба и опасна, и трудна, – бредущее по одному из тоннелей существо негромко и невнятно напевало себе под нос. Каждый его шаг сопровождался монументальным

чавканьем.

Факел, который существо держало в руке, светил слабо, из последних сил. Скорее всего, факелу просто было дурно. Учитывая, что тоннель на треть заполняли нечистоты и вонь над ними висела такая, что ее при желании можно было увидеть, это не выглядело удивительным.

– И на первый взгляд как будто не видна, – откуда-то прирмчался порыв свежего, хотя и несколько холодного воздуха, факел воспрянул духом и засветил немного ярче. Стало видно рябое лицо, украшенное повязкой из плотной ткани, закрывающей рот и нос.

Обладатель лица споткнулся, и вонючий воздух уважительно колыхнулся, заслышав крепкие, хотя и немного неразборчивые (попробуйте-ка ругаться сквозь тряпку!) выражения.

– Так-так, что тут у нас? – Краск Пух, представитель славного цеха ассенизаторов города Ква-Ква, опустил факел. Из бурой жижи, в которой ассенизатор стоял по колено, ему печально улыбался слегка обглоданный собачий труп.

Судя по всему, об него Краск Пух и споткнулся.

– Вот зараза, – обойдя мертвую животину, ассенизатор вновь замурлыкал любимую песенку.

Краск Пух совершал ежемесячный обход вверенного ему участка подземных стоков. Этим в день Отважного Зайца занимались сотни его соратников по незаметной, но очень важной для города службе.

Исчезни ассенизаторы, Ква-Ква, населенный многими тысячами разумных существ, бытие которых большей частью заключается в производстве мусора, захлебнулся бы в отходах через несколько дней. Золотари исполняли в исполинском организме города функцию кишечника и гордились своей работой.

Попасть в их ряды было куда как непросто.

В темноте за спиной Краска Пуха что-то шевельнулось, издав донесся могучий рокот, словно прочистил грудь великан. По стенам тоннеля пробежала дрожь.

* * *

– Что это там? – согласно давней привычке ассенизатор разговаривал сам с собой. Мысли в его голове ворочались с ленцой. Когда имеешь дело с настолько малоподвижной штукой, как отходы, то спешить обычно некуда, вот и сейчас Краск принялся неторопливо обдумывать, что могло породить такой звук в подземельях...

Накативший из тьмы вал жидкой грязи подхватил ассенизатора, мгновенно обесценив блестящие теоретические построения, родившиеся в его голове. Там осталась только одна мысль, больше похожая на звучащий под сводами черепа панический вопль, – «Прорыв!».

Факел погас. Краска Пуха несло по тоннелю, крутя и вертя, точно веточку в бурном потоке. Единственное, что оста-

валось ассенизатору, – молиться, и он истово шевелил губами, надеясь, что обращение дойдет до Влимпа даже из под-земелья, заполненного вонючей грязью.

Дворец мэра слегка трянуло. Пошатнулась стоящая в углу кабинета статуя, изображающая главу города в полный рост. С обнаженной лысиной и вытянутой рукой, в которой была зажата кепка, он выглядел очень вдохновенно.

Сказать, что скульптор польстил, – значило не сказать ничего.

– Это еще что? – недоуменно спросил Мосик Лужа.

Советники дружно, словно отряд дрессированных макак, пожали плечами.

– Так вот, – продолжил мэр прерванную мысль. – Нам нужно убедить горожан, чтобы они выбрали меня снова! Как это сделать?

– Напомнить о благих деяниях, свершенных вами, господин мэр, – сказал советник, отвечающий за благоустройство городских улиц. Попал он на это место благодаря тому, что был двоюродным братом жены Мосика Лужи, а подведомственные ему улицы посещал редко, находя это занятие ужасно скучным.

– Хорошая мысль. Надо бы только вспомнить эти благие деяния. Ну-ка, напрягите память!

– Э...

– Ууу...

– Мда...

– Ну...

Изданные советниками звуки отличались разнообразием, но не информативностью.

– Вы что, говорить разучились? – багровея, спросил мэр. Зрелище было устрашающее: шаровидная голова наливалась кровью, словно брюхо комара.

– Мы упразднили налог на ношение оружия, – вспомнил кто-то.

– Но ввели три других: на солнце, воздух и воду! – Глагол Пис грустно кивнул. – И наши противники об этом не умолчат...

– Поставили много статуй, которые украшают город! – обрадованно воскликнул двоюродный брат мэрской жены.

– И мешают проезду. – Глагол Пис был безжалостен. Он хорошо понимал, что Мосик Лужа куда умнее, чем выглядит, а беспощадностью может поспорить с акулой, и что советники, которые сейчас предлагают ерунду, в награду получат вовсе не мешок золота.

А уютное местечко на виселице.

– Построили три новых трактира... – упоминание о последнем «благом деянии» было встречено стыдливой тишиной.

Глагол Пис выразительно промолчал.

– Это звучит грустно, – Мосик Лужа яростно поскреб лысину, – но, похоже, за эти годы мы не сделали ничего для

блага горожан. Но это не так страшно, главное – чтобы они об этом не узнали...

– А для успеха на выборах можно прибегнуть к магии, – негромко проговорил Глагол Пис, и лицо его на мгновение перекосила коварная усмешка.

Нацепив такую, киношный злодей обычно затевает главную пакость фильма.

Взгляд мэра, в котором добродушия было меньше, чем утонченности в хряке, обратился на двоих облаченных в просторные мантии мужчин. До сего момента они молчали.

– Позвольте... – сказал один из них.

– Минуточку... – промолвил другой.

– Так вот, ребята, – голос Мосика Лужи был тяжел, словно бульдозер, – вы считаетесь хорошими специалистами по магии управления, и для вас настала пора доказать, что я не зря плачу вам деньги. Что вы способны не только на составление блестяще продуманных планов, имеющих один небольшой недостаток – невозможность их выполнить.

Маги переглянулись.

Выпускников кафедры управленческой магии обычно считают дармоедами, которым уготовано теплое место у основания трона того или иного властителя. Если поверить слухам, то они не умеют ничего, кроме как красоваться на приемах и устраивать волшебные фокусы.

На самом деле все не так. Управленческие маги выполняют важную функцию. Они отвлекают мысли царей, мэ-

ров и императоров от всякой ерунды типа массовых казней и репрессий, занимая их важными проектами по совершенствованию организационной структуры дворцового управления, модернизации системы мотивации сотрудников пыточных застенков или созданию новых каналов реализации решений среди диких кочевников...

Вот почему спрос на таких специалистов никогда не падает (а не только из-за высокой смертности в связи с близостью к плахе, которая всегда находится недалеко от трона).

Но Мосик Лужа не был склонен к репрессиям и казням (разве что иногда, в минуты плохого настроения), и посему Винтус Болт и Дубус Хром-Блестецкий, служившие при мэрии все четыре года, в процессе выполнения своих обязанностей несколько подзаросли жирком.

Единственным достойным упоминания их деянием стала масштабная кампания по выявлению лихоимцев среди сотрудников мэрии. Результаты ее оказались столь потрясающими, что их тут же засекретили и сдали в архив, а магам вынесли благодарность (за ударную работу) вместе с выговором (за подрыв авторитета мэрии в глазах горожан).

– Ну, мы что-нибудь придумаем, – сказал Винтус, упитанный волшебник средних лет, и светлые его глаза тревожно забегали.

– Обязательно, – поддержал коллегу Дубус, фигурой больше напоминающий жердь.

– Я на это надеюсь, – кивнул Мосик Лужа, – и думаю, что

не постесняетесь применить... – тут он собрался с духом, готовясь выговорить трудное слово, – поллитртриналохию... Я знаю, что это ужасно действенная штука!

Маги грустно кивнули.

– Мы постараемся, – сказали они в один голос, – но мы не специалисты в этой области. Ее начали разрабатывать всего несколько лет назад...

– Что это такое? – шепотом спросил двоюродный брат мэрской жены, который слов сложнее, чем «взятка» никогда не слышал.

– О, это ужасно тайная и дико грязная магическая штука, – в тихом голосе Глагола Писа звучали ужас и отвращение, – куда пакостнее некромантии и Черной Мессы. Она и названа так, потому что без поллитра на троих в ней не разобраться, а рассчитана она для воздействия на лохов...

Брат мэрской жены испуганно примолк.

– Раз сами не спецы, так найдите мне такого, – сказал тем временем Мосик Лужа. – И без него во дворец не возвращайтесь! Сроку вам два дня. Поняли меня?

– Так точно, – вновь в один голос отозвались маги, и уныния в их ответе хватило бы на небольшую пустыню.

– Синтагматическая пропорция крепости стенок держателя требует... – тут пол аудитории слегка трянуло, и лектор, благообразный древний поцент, борода которого напоминала седой веник, невольно запнулся, – требует... это еще что

такое?

Студенты с облегчением вздохнули, радуясь паузе в утомительной лекции. Арс Топыряк потряс кистью, которая от непрерывного чирканья пером по пергаменту нещадно болела.

Поцент, читающий предмет «Основы демонической инвентаризации», считал, что качество знаний напрямую связано с их количеством.

– Это наш библиотекарь слегка пукнул, – хихикнул Нил Прыгскокк.

– В этом случае университет рассыпался бы, – не остался в долгу Арс. – А так – всего лишь шатнуло.

– Ну, в общем, продолжим, – поцент, удостоверившись, что толчок не собирается повториться, а потолок – падать на головы студентам, решил вернуться к лекции. – Требуется... требует, чтобы их условная толщина, рассчитанная по формуле Дриньк-Буховского, была больше условной силы демонического существа, рассчитанной по таблице Пармьяна Отверженного. Отсюда следует...

– Арс, – прошептал Прыгскокк, – завтра в «Трех поросятах» крутой тусняк будет. Пойдешь?

– Не знаю! Денег нет, – ответил Топыряк, автоматически записывая слова лектора «эй, вы, во втором ряду, хватит болтать». – Ой!

Несмотря на ветхость и слабое зрение, поцент видел все. Пришлось отложить разговор до перемены.

– Ну и где мы будем искать этого самого спеца? – печально спросил Хром-Блестецкий, глядя на то, что в реке Ква-Ква называлось водой. Жидкость эта большей частью состояла из помоев и фекалий, и запах от нее поднимался до того бодрящий, что в дальних Лоскутах воду из Ква-Ква использовали для приведения в сознание упавших в обморок принцесс и (по слухам) для оживления мертвецов. – И что такое эта поллитртриналохия?

– Грязное дело, – ответил Болт, – а спеца по нему нужно искать в университете. Больше нигде.

Выбравшись из мэрского дворца, маги зашагали по вымощенной камнем набережной. Для освежения мозгов обоим требовалось прогуляться.

– Вряд ли кто оттуда согласится работать на мэра, – вздохнул Хром-Блестецкий, – даже за большие деньги... Ой, что это?

Вода на середине не такой уж широкой реки забурлила, пошла пузырями. На поверхности ее образовалось грязное пятно (и это на грязи!), в стороны прянул такой запах, от которого в обморок упали бы навозные мухи.

Из центра пятна вынырнул собачий труп, а за ним – вопящий и размахивающий руками человек. Первое не было удивительным: в жиже, извергаемой в реку городом, встречались неаппетитные вещи, по сравнению с которыми песьи останки были верхом эстетизма.

Но человек в Ква-Ква! Звучит куда более фантастично, чем честный купец.

Когда-то, много тысяч лет назад, в реке можно было купаться. Ныне же на это отваживались только тролли, самоубийцы, а также любители экстремального отдыха.

Оказавшийся в Ква-Ква человек не попадал ни в одну из этих категорий. Судя по комбинезону из пропитанной жиром толстой кожи, перчаткам и высоким сапогам, он был ассенизатором.

И очень неудачливым, надо сказать.

– Ну что, коллега, поможем? – Хром-Блестецкий поднял посох.

– Почему бы и нет? – Болт повторил жест.

Утонуть в густой жиже Ква-Ква исключительно трудно, для этого нужно навешать на себя немалое количество тяжестей и запастись терпением. Но попавшего в «воду» ожидает другая опасность – задохнуться в поднимающихся от реки зловонных испарениях. Понятное дело, что у ассенизатора должен быть профессиональный иммунитет к дурным запахам, но и он дает не больше пяти минут форы.

– И раз! – маги одновременно повели посохами. Затрещало, вверх полетели синие искры. Ассенизатора выдернуло из воды, словно пробку из бутылки и выбросило на берег.

– Вот так, – удовлетворенно сказал Хром-Блестецкий.

– Так вот, – поддержал коллегу Винтус Болт, брезгливо отодвигаясь в сторону.

Спасенного непрерывно рвало, а с одежды его потоком текла зловонная грязь.

– Вот тебе и специалист по грязным делам, – проговорил Хром-Блестецкий, – жаль, что не по поллитртриналохии...

– А что нам мешает сделать его таким специалистом? По крайней мере, в глазах мэра!

Мысль была настолько идиотской, что заслуживала рассмотрения. Маги примолкли, в головах их с легким шорохом крутились неплохо подоженные друг к другу шестеренки.

– Представим его как крупнейшего знатока, – первым нарушил молчание Винтус Болт. – Все равно никто не знает, что такое поллитртриналохия.

– Да, а в случае чего неудачу свалим на него. План хорош, но есть одна сложность.

– Какая?

– Уговорить его, – и Хром-Блестецкий длинным и острым пальцем указал на выблеывающего остатки завтрака ассенизатора.

– Нет, ты скажи, ты меня уважаешь? – вопрос прозвучал как никогда вовремя. Количество пивных кружек, употребленных на троих, перевалило за десяток, и наступил момент для душевного разговора.

Судя по алчно блестящим глазам обоих магов, разговор обещал быть очень душевным. Краск Пух подобрался и осторожно ответил:

– Конечно уважаю.

Потрясения сегодняшнего дня и выпитое пиво не загасили обитающей в сердце золотаря подозрительности. А уж то, что спасшие его маги потащили Краска в таверну, и вовсе вызвало у него дурные предчувствия.

Такое человеколюбие могло быть только корыстным.

– Тогда не откажи нам в помощи, – сказал Винтус Болт, тот из магов, что пониже и пожирнее.

– А чего вам нужно?

Догадки Краска Пуха подтверждались.

– Мы хорошо заплатим, – тощий маг, фамилия которого была длиннее его самого, выразительно пошевелил пальцами.

– За что?

Волшебники переглянулись и печально вздохнули.

Не зря в Ква-Ква большую популярность имела поговорка «упрям, точно золотарь». Созерцание фекалий и разного рода отходов не вызывает почему-то особого оптимизма, и ассенизаторы, которые подобному созерцанию предаются большую часть жизни, отличаются мрачным и угрюмым нравом, а также склонностью к философским размышлениям типа «вся жизнь есть груда мусора» или «из грязи мы вышли и в грязь возвратимся»...

Убедить настроенного подобным образом человека в чем-то куда сложнее, чем сагитировать обезьяну отказаться от мешка бананов.

– Мы хотим предложить тебе работу, – сказал Винтус Болт.

– У меня она уже есть! – Краск Пух гордо выпрямился, глаза его блеснули. – Я – ассенизатор!

– Это ощущается, – пробормотал Хром-Блестецкий. Он несколько притерпелся к исходящему от собутыльника «аромату», но все равно старался не дышать глубоко.

Гордость Краска Пуха можно было понять – золотари были привилегированным цехом. После их забастовки (случившейся три тысячи лет назад и в исторических трудах получившей название Вонючей Стачки), когда город чуть не утонул в собственных экскрементах, тогдашний мэр был вынужден даровать ассенизаторам ряд льгот.

– Это будет временная работа, – объяснил Винтус Болт. – На пару-тройку месяцев. Мы организуем тебе отпуск. После выборов вернешься к своим эээ... отходам.

Краск Пух угрюмо слушал.

– Что мне надо будет делать?

– Быть знатоком поллитртриналохии!

– А что это такое?

– Если бы кто знал! – усмехнулся Хром-Блестецкий. – Так что разоблачение тебе не грозит.

– Мне придется обманывать? Ни за что!

– Это на благо города! – Винтус Болт придал голосу торжественность. – Тебе не привыкать вычищать грязь из его клоак! Представь, что ты добрался до главной из них, самой

большой и мерзкой!

– А где такая?

– В мэрском дворце, – негромко пробормотал Хром-Блестецкий, – там такая грязь, какой ты, золотарь, и в жизни не видел...

– Неужели не хочешь послужить Ква-Ква, но на новом месте? – продолжал витийствовать Винтус Болт. – И хорошо заработать! Вот сколько тебе платят?

Переговоры, куда более сложные, чем с гномами по поводу торговых пошлин, продолжались еще час, и только затем волшебники смогли вытереть со лбов честный трудовой пот.

– Встречаемся завтра, в десять утра, здесь же, – сказал Винтус Болт, когда договор был скреплен рукопожатием.

В длинной, до пола, мантии Краск Пух чувствовал себя неудобно, словно в женском платье. Еще хуже становилось от любопытных взглядов, которые бросали на него все без исключения встречные. А их в коридорах мэрского дворца оказалось предостаточно.

Создавалось впечатление, что чиновники, вместо того чтобы сидеть по комнатам и работать, слоняются по коридорам и глазуют на посетителей.

По сторонам от ассенизатора... ой, поллитртриналоха, шагали Винтус Болт и Хром-Блестецкий.

– Запомни, твое имя – Цук Цурюк, – сказали они Краску перед тем, как войти во дворец. – Секрет твоего успеха в

том, чтобы делать рожу понадменнее, и ни в коем случае не открывать рта!

Краск Пух старался. По надменности он переплюнул бы верблюда, а челюсти сжимал с такой силой, что те начали тревожно потрескивать.

– Пришли, – сказал Винтус Болт негромко, когда впереди показалась дверь, охраняемая парочкой солдат в черно-желтой форме. – Помни, о чем я говорил...

За дверью обнаружилась приемная, в которой скучал молодой человек с внешностью голодной пиявки.

– Нам назначено, – сказал ему Хром-Блестецкий.

Кабинет мэра оказался просторным, как казарма. Огромное пространство без особого успеха пытались заполнить столы, стулья, шкафы, статуи, расположенный в углу диван, да еще сам Мосик Лужа, который на первый взгляд тоже казался предметом мебели.

– Так, – сказал он, разрушая иллюзию, – привели?

– Да, – ответил Винтус Болт с таким гордым видом, словно приволок в кабинет голубую птицу, редчайшее создание, имеющее только один пол, и при этом как-то ухитряющееся размножаться.

– Садитесь, – квакнул мэр, как никогда напоминая в этот момент огромную жабу, которая обнаружила в пределах досягаемости сочную, жирную муху. – Рассказывайте.

– Его зовут Цук Цурюк, – сообщил Хром-Блестецкий торопливо, – он один из известнейших поллитртриналохов.

– И где он известен?

– Ну, везде, только в узких кругах, – нашелся Винтус Болт, – сами понимаете, господин мэр, что ни один правитель не сознается в том, что использовал такое грязное дело, как поллитртриналохия...

– Ага. Ну да. А чего он сам молчит?

Краск Пух обмер и заледенел. Вот сейчас придется открыть рот, и тогда всем станет ясно, что он за политтриналог... тьфу... полипперхонос... в смысле, поллитртриналох...

– Его магическая мощь так велика, – Винтус Болт понизил голос и подпустил в него ужаса, – что любое произнесенное слово опасным образом колеблет ткань континуума...

– Да? – Судя по выпучившимся глазам, мэр ничего не понял, но уточнять не стал. – И он сделает так, что меня выберут снова?

– Вне всяких сомнений, – улыбнулся Хром-Блестецкий, – но только с нашей помощью! Поллитртриналохия требует поддержки обычными магико-административными методами!

Мэр, который уже собрался указать дармоедам на дверь, сердито засопел.

– Ладно, – сказал он, – я нанимаю его. Сколько он хочет?

Голова у Краск Пуха... простите, у Цук Цурюка пошла кругом. С трудом вспомнил, что ему было велено делать в такой ситуации. Простер перед собой дрожащую руку, на ко-

торой выставил три пальца.

– Это значит, что он просит восемь тысяч бублей, – медовым голосом пояснил Винтус Болт.

– Чего? – мэр нервно подпрыгнул в кресле. – Он что, с ума сошел?

– Обычно он берет в два раза больше, – сурово сказал Хром-Блестецкий, – но согласился на скидку только из уважения к вам лично.

– Нда? Очень приятно, – судя по гримасе мэра, доставшаяся жабе муха оказалась кислой.

– И это только за работу, – добавил Винтус Болт. – А ведь будут еще и расходы.

Маги атаковали Мосика Лужу по очереди, наседая с двух сторон. С ловкостью опытных мошенников они выкачивали из него деньги.

– Это на что?

– На пропаганду! – Хром-Блестецкий выложил на стол несколько листов пергамента. – Вот, тут мы вместе с господином Цук Цурюком составили смету...

Господин Цук Цурюк видел смету впервые, но ему оставалось только важно хлопать глазами, делая вид, что все идет так, как надо.

Дрожащими руками мэр вцепился в записи.

– Так... изготовление зачарованных плакатов... формирование защитного колдовства против возможной порчи и сглаза...

– Это со стороны соперников, – подсказал Винтус Болт. – Они на такую пакость могут пойти!

– Ага, – безрадостно кивнул Мосик Лужа. – Так... обеды с представителями общественности... это что?

– Ну, – маги переглянулись. По этой статье они собирались за счет Мосика Лужи питаться в лучших харчевнях города до самых выборов, но говорить мэру об этом было как-то неловко. – Важных персон лучше всего агитировать по-одиночке, в мягкой, расслабляющей обстановке, за накрытым столом... Будем вербовать агентов влияния!

– Ага... – к облегчению волшебников, Мосик Лужа не стал углубляться в скользкую тему, – уличные агитационные пункты... взятки, это понятно... заработная плата магам-агитаторам... а это зачем?

– Слишком большой объем работ, – пожал плечами Винтус Болт, – придется привлечь много сотрудников. Но дипломированные маги дорого стоят, поэтому мы планируем для простых работ привлечь студентов МУ...

При упоминании Магического Университета лицо мэра омрачилось. Самовольный и непредсказуемый университет мешал ему (как и остальным мэрам), словно заноза. Глубоко засевшая, причиняющая зуд и, что самое обидное, – неизвлекаемая.

– Ладно, – буркнул Мосик Лужа, – если вы считаете, что это нужно... что у нас дальше?

Когда спустя час маги-управленцы вышли из кабинета мэ-

ра, то в глазах их светилось тщательно скрываемое торжество.

– Теперь неважно, выберут его или нет, – шепотом сказал Винтус Болт, с помощью заклинания удостоверившись, что их никто не подслушивает, – бедными мы не останемся...

Уверенности его словам придавал лежащий в кармане мантии документ, повелевающий городскому казначею выдать семь тысяч бублей. Часть из них предназначалась в задаток поллитртриналоху, остальное – на первоначальные расходы.

– Ага, – вздохнул Хром-Блестецкий, – жалко только, что придется тратиться на хорошую гостиницу...

И тощий маг дернул острым подбородком в сторону Краск Пуха.

– Эй, – забеспокоился тот. – Какая гостиница? Я хочу домой!

– Увы, друг мой, – утешающе проговорил Винтус Болт. – Уж пускать пыль в глаза, так по первому разряду! Цук Цурюк должен вести себя как великий поллитртриналох, так что придется тебе пару месяцев пожить в чистоте и уюте.

Ассенизатор мрачно вздохнул. Он не был уверен, что вынесет настолько тяжкое испытание.

– Что ты сказал? Палитр... чего? – сидящий за широким столом мужчина был настолько жирен, что само слово «толстый» прозвучало бы по отношению к нему как уменьши-

тельное.

– Поллитртриналоха, мой господин, – ответил стоящий около стола тип в мантии волшебника. Она полностью скрывала тщедушную фигурку, а голова вместе с лицом успешно прятались в недрах капюшона.

– И что это такое? – спросил толстяк. В торговых кругах он был известен как Тощий Брык и считался одним из богатейших купцов Ква-Ква. В кличке не было никакой насмешки, она появилась в давние времена, когда молодой Брык телосложением напоминал фонарный столб.

– Специалист по новому виду управленческой магии, – мантия колыхнулась, давая понять, что человек под ней пожал плечами. – Очень секретному и мощному. Говорят, что поллитртриналохия весьма грязна, но противостоять ей не может ничто.

– Ляжка демона! – ругнувшись, Тощий Брык совершенно машинально взял с блюда на столе жареного цыпленка и сжевал его в мгновение, не оставив даже косточек. Громадное брюхо слегка колыхнулось. – Вот сюрприз!

Полгода назад Тощий Брык неожиданно обнаружил, что в его жизни чего-то не хватает. Денег он заработал столько, что в них можно было купаться, женщинам давно потерял счет, а удовольствия перепробовал во всех мыслимых и немыслимых сочетаниях.

Кроме власти.

Осознав это, Брык решил, что пришло его время править

в Ква-Ква. Препятствия в лице Мосика Лужи и прочих претендентов на место мэра казались ему незначительными.

– Кто еще собирается участвовать? – спросил купец после паузы, за время которой с блюда исчезли еще два цыпленка.

Когда Тощий Брык нервничал, ему всегда хотелось есть.

– Вейл Фукотан, из древнего аристократического рода, и Крак Мясоруб.

– Второго не знаю, – рокотнул Тощий Брык.

– Он из мясников, якобы от народа, – судя по голосу, прячущийся под мантией позволил себе усмешку.

– И как у них?

– Ничего особенного.

– Ладно. – Тощий Брык сжевал последнего цыпленка и с сожалением оглядел пустое блюдо. – Тогда оставь их на время. Следи за Мосиком Лужей и его поллитртриналохом...

Выясни, что он на самом деле может, – тут голос купца стал жестким. – Я надеюсь, ты меня не разочаруешь, Скрытный?

– О нет, ни в коем случае, – маг, прячущий лицо под капюшоном, так давно ради прозвища отрекся от имени, что даже сам стал его забывать. Но отсутствие имени было маленьким неудобством, не мешающим тому, кто считался лучшим специалистом по черной, запрещенной магии, делать свою работу.

Делать ее хорошо, и за большие деньги.

Глава 2

Будильник, составленный из песочных часов, дырявой кастрюли и маленького заклинания, грохотал, словно отряд мамонтов в посудной лавке.

– Ага, уже встаю, – сказал Арс Топыряк, взмахами руки пытаясь заткнуть мерзопакостный прибор.

– Если опоздаем на контрольную, то у нас будут проблемы, – замогильным голосом сказал Шнор Орин. – Надо идти.

– Да, – неимоверным напряжением воли Арс заставил себя сесть.

Одной из хитрых и до сих пор не изученных особенностей студенческого организма является полное отсутствие в нем бодрости в утренние часы, когда необходимо посещать занятия. Зато кипящая энергия пробуждается в телах учащейся молодежи ближе к вечеру, когда учеба давно закончена, и излишек сил волей-неволей приходится употреблять на развлечения и проказы.

Шнор и Арс в этом ничем не отличались от прочих студентов. Только угроза в лице поцента Злоста Простудилиса, обещавшего на сегодня зверскую контрольную, могла заставить их проснуться в такую рань.

Поминутно зевая и едва не засыпая на ходу, приятели добрались до университета, благо до него было всего десять минут ходу. Тут их глаза, до сего момента безжалостно сли-

павшиеся, одновременно вытаращились.

– Ничего себе, – сказал Шнор.

У самых ворот Магического Университета расположилась небольшая палатка, вроде тех, что используют торговцы. Она была такого ярко-пурпурного цвета, что при взгляде на нее любой мог ощутить себя бешеным быком. Внутри виднелось толстое лицо. Поверх всего этого трепетал на ветру намалеванный ядовито-желтыми буквами плакат: «Работа для студентов! Скидки! Гарантия!».

При чем тут скидки и гарантия, догадаться было сложно.

Драконьи головы, охраняющие ворота, косились на палатку неодобрительно, но поделаться ничего не могли – стояла она за территорией МУ.

– Подходите, молодые люди, – сказало лицо с натужной благожелательностью, – записывайтесь! Заработаете кучу денег, не прилагая особенных усилий!

Винтус Болт торчал на вербовочном пункте с самого восхода, и пока дело у него шло ни шатко ни валко. За годы, прошедшие после окончания университета, волшебник напрочь забыл, что студенты очень редко приходят на учебу вовремя.

– А чего надо будет делать? – поинтересовался Арс.

– Работа очень разнообразная, зависит от имеющихся навыков и способностей, – с энтузиазмом, достойным расхваливающего товар торговца старьем, сказал Винтус Болт, – вот вы с какой кафедры?

Студенты стояли далеко, и разглядеть вышитый на их мантиях символ было сложно.

– Демонологии, – вздохнул Топыряк.

– Ну... э... ы... и для вас дело найдем! Демонов, конечно, заклинать не придется, но навыки практического колдовства, я думаю, у вас хорошие...

– Ничего не понял, – недоуменно проговорил Шнор Орин. – Что за работа? На кого?

– Если вам интересно, приходите сегодня в семь вечера в дом шесть по улице Дымных Холмов, – поспешно сказал Винтус Болт, чуя, что добыча готова сорваться с крючка. – Там узнаете подробности!

– Пойдешь? – спросил Шнор у Арса, когда они миновали драконьи головы.

– А то, – ответил Топыряк мрачно. – Даже если там заставят подметать пустыню или шнурки гладить. Деньги нужны. Если не найду подработку, то скоро жрать будет нечего...

Из недр здания донесся мощный тягучий гул – висящий у ректората колокол давал знать, что занятия начались. Арс и Шнор перешли на бег – поцент Злост Простудилис очень не любил, когда к нему опаздывали.

А во гневе он был страшнее всех демонов Нижнего мира.

Улица Дымных Холмов нашла себе место на левой окраине Ква-Ква. В городе имелись улицы куда более древние, длинные, широкие или прославленные, но улица Дымных

Холмов всегда гордилась безупречной репутацией. Прямая, как полет стрелы, она тянулась с востока на запад между трехэтажными домиками с красными черепичными крышами.

Если бы дома умели ходить и разговаривать, то эти при встрече непременно снимали бы друг перед другом шляпы и осведомлялись о здоровье. Жаловались бы на воду в подвалах, дыры в стенах и обсуждали поведение соседей.

Дом номер шесть выбивался из общего ряда, словно дог в стае болонок. Вокруг мрачного строения, помеченного этой цифрой, оставалось пустое место, будто соседние здания шарахнулись от него, желая стоять подальше. Судя по заколоченным окнам, здесь не жили.

Арс постучал в дверь не без робости.

– Входите! – донесся изнутри голос, радушия в котором было меньше, чем в рыке разбуженного медведя.

В доме пахло чем-то сухим и сладким, словно в доме обитали призраки погибшего страшной смертью печенья.

– Вам прямо, – сказал скучающий на хлипкой табуретке поллитртриналох Цук Цурюк, посаженный у двери встречать визитеров, – там сейчас начнут...

Арс кивнул и зашагал по темному коридору. Доски под ногами скрипели, словно старые кости, а под полом что-то шуршало, точно из земли там выкапывались скелеты, срочно желающие устроиться на работу...

Дверь в конце коридора открылась с душераздирающим

скрипом. Но вместо мрачного и плохо освещенного помещения, подходящего для темных дел, которым только и твориться в таком доме, за ней оказался похожий на учебную аудиторию зал.

И здесь, судя по всему, собралась добрая половина университета. В глазах рябило от мантий красных, черных, зеленых и синих, среди повернувшихся к Арсу лиц было немало знакомых. Из задних рядов ему помахал ручищей двоечник Рыггантропов.

– Закройте дверь, молодой человек и не стойте на пороге, – резкий голос донесся от расположившейся у стены кафедры. Стоящий за ней волшебник ростом поспорил бы с крепостной башней, а худобой – с последователями секты Об-Мани-Падла-Хам, которые съедают по рисовому зернышку в день. – Мы начинаем.

Кивая по дороге знакомым, Топыряк протиснулся к Рыггантропову. Рядом с двоечником, шевеля мохнатыми длинными ушами, устроился представитель расы йода Тили-Тили, больше известный под прозвищем Трали-Вали.

Аrsa он приветствовал бодрым шипением и радостной гримасой на коричневом, словно сгнившее яблоко, лице.

– И вы тут? – спросил Топыряк, осторожно усаживаясь на стул, который по древности мог, судя по всему, поспорить с самим городом.

– А то, – отозвался Рыггантропов рокочущим басом, – мы тут, типа, в натуре...

– Тихо! – волшебник за кафедрой постучал по ней костлявым кулаком. Звук получился такой, словно палкой лупили по дереву. – Мы начинаем. Позвольте представиться. Мое имя – Дубус Хром-Блестецкий, но те из вас, кто станет работать у нас, будет называть меня проще – босс...

– А что это значит? – спросил Рыггантропов таким гулким шепотом, что слышно его было, наверное, даже на улице.

Хром-Блестецкий не снизошел до ответа, лишь посмотрел так презрительно, что Рыггантропов сгорел бы от стыда, если бы знал, что это такое.

– Скоро выборы мэра, – сообщил волшебник, – и именно на этих выборах вам предстоит работать агитаторами.

В наступившей тишине стало слышно, как потрескивает что-то в голове у Рыггантропова.

– Вы будете делать, что я скажу, – продолжал Хром-Блестецкий, – выполнять мелкие магические работы, всякие поручения, и получать за это... бубль в день. Кто не согласен – может уходить.

Желающих не нашлось. Хром-Блестецкий пожалел, что предложил так много.

– Отлично, – кивнул он и зашуршал пергаментом, – тогда по одному подходите ко мне и записывайтесь...

В помещении тут же воцарилась суматоха, которая бывает, если в толпу бросить несколько золотых монет – все дружно ринулись в одном направлении, раздались взвизги, крики и треск держащихся на последнем издыхании ребер.

– По одному! По одному! – вопиал Хром-Блестецкий, тщетно пытаясь навести порядок. У него был бы шанс, имей он дело с сатирами, кентаврами или еще какой буйной расой.

Но не со студентами. Каждый стремился попасть в список первым, и для этого был готов топтать, пихать и давить конкурентов.

Лишь будущие демонологи да еще несколько особо умных или тормозных студиязусов остались сидеть.

– Ну что, типа, – сказал Рыггантропов, – запишемся, в натуре?

– Почему нет? Деньги неплохие!

Тили-Тили прошипел что-то одобрительное. Говорить он просто не умел, а если и умел, то тщательно это скрывал.

– Ладно, побудем этими, как их, – подвел итог дискуссии Рыггантропов, – аллигаторами...

Он встал и медленно, словно айсберг, двинулся к кафедре. Дорога перед Рыггантроповым, внешностью напоминающим смесь носорога с гориллой, освобождалась словно по волшебству. Должно быть, заслуженный двоечник знал какую-то магию, неподвластную другим.

В арьергарде однокашника следовали Арс и Тили-Тили.

– Фамилия? – прохрипел Хром-Блестецкий, когда перед ним возникло лицо (за неимением другого употребим это слово) Рыггантропова. Волшебника пихали и толкали со всех сторон, и левой рукой он крепко держался за кафедру, правой пытаясь водить пером по пергаменту.

На лице у него застыло настолько скорбное выражение, что ему позавидовал бы любой взыскующий славы мученик.

– Чья? – тупо моргая, спросил Рыггантропов.

– Имя?

– Чье?

– Чья Чье, ну и имечко. Специализация?

– Демонология! – подсказал из-за спины двоечника Арс, заподозривший, что без помощи со стороны Рыггантропов составит правильный ответ не скоро.

– Записан. Следующий. – Хром-Блестецкий на протяжении всего диалога так и не поднял головы.

Недоуменно моргающего Рыггантропова оттеснили в сторону.

– Имя?

– шшшш...

Тут уж Хром-Блестецкий глаза поднял. И едва не подпрыгнул от ужаса: на него, чуть приподнимаясь над кафедрой, блестящими большими глазами смотрела коричневая морщинистая голова, снабженная длинными мохнатыми ушами. Уши тревожно шевелились.

– Мать демонов! Это еще что такое? – испуг вырвался истошным воплем.

– Это йода, его зовут Тили-Тили, специальность – демонология, – сообщил Арс, предупреждая вопросы.

– Сссс, – согласился Тили-Тили.

– А разговаривать он умеет? – стараясь не слишком силь-

но лязгать зубами, спросил Хром-Блестецкий.

– Ну... эээ... не очень.

– Такой нам не нужен! Агитатор должен быть разговорчивым!

– Зато он хорошо умеет вызывать демонов, – доверительно сообщил Арс, – и любит этим заниматься.

– Не пробуйте меня напугать! – волшебник гордо выпятил тощую грудь, по крайней мере пространство между шеей и животом. – Демоны куда менее страшны, чем ханы, князья и прочие, с кем мне приходилось иметь дело...

– Тогда отказ в работе можно воспринять как расовую дискриминацию! – не сдавался Арс. – И об этом возмутительном факте будет сообщено всем...

– Э, – Хром-Блестецкий побледнел так, что если бы не мантия, то тощий волшебник слился бы с белой стеной, – какая дискриминация? Вот, Тили-Тили... уже записал...

Когда выбрались из толкучки, то йода вид имел довольный, словно только что сдал сессию, у Арса оказалась порвана на плече мантия (так основательно, словно ее ухватили зубами), а Рыггантропов выглядел несколько ошеломленным. Учитывая его невыразительную физиономию, это означало, что он потрясен до глубины души.

– Так я что теперь, Чья Чье, в натуре? – спросил он после пяти минут непрерывного сопения и почесывания затылка.

– Похоже на то, – кивнул Арс. – Придется откликаться на это.

– Те, кто записались, могут идти, – раздался из-за груды тел в разноцветных студенческих мантиях полузадушенный голос Хром-Блестецкого. – Завтра явка к десяти утра, начинаем работать...

За ночь дом номер шесть на улице Дымных Холмов не изменился. Разве что над дверью появилась вывеска с загадочной надписью: «Ссамый главный придвыборный штаб». А под ней – двое мордovorотов того типа, что способны разговаривать только односложными фразами: «ну», «чо?», «а?», «в глаз»...

На Топыряка мордovorоты покосились без особой приязни, но ничего не сказали.

Великий поллитртриналох Цук Цурюк обнаружился на том же месте. Широкое рябое лицо его было настолько мрачным, что его можно было использовать вместо маски истязаемого демона.

Заклученный внутри поллитртриналоха ассенизатор Краск Пух всей душой рвался к милым сердцу выгребным ямам и коллекторам, жаждал полной грудью вдохнуть родных миазмов...

Но Винтус Болт и Хром-Блестецкий цепко держали его в своих колдовских ручонках. Чтобы Цук Цурюк не сошел с ума от безделья, его нагружали мелкими поручениями. С ними вполне справился бы и десятилетний мальчик, и, помимо прочего, Краск Пух страдал от унижения.

– Вот, возьми, – сказал он, протягивая Арсу нечто круглое.

– Что это? – поинтересовался Топыряк, поворачивая штуковину так, чтобы на нее упал свет.

– Значок, – лаконично ответил поллитртриналох.

На ладони был вырезанный из дерева кругляш, на котором чья-то шаловливая рука изобразила нечто похожее на свинью, в пасть которой вставили арбузную корку. Надпись внизу гласила: «С Мосиком Лужей – к светламу будущему!»

Судя по всему, свинья символизировала мэра.

– И зачем это?

– Узнаешь.

Пожав плечами, Арс прикрепил значок на мантию. Спустя десять минут он сидел на том же стуле, что и вчера, и следил за Хром-Блестецким. Маг рассказывал перед собранными вместе агитаторами, напоминая цаплю, бродящую по болоту в поисках лягушек.

– Сегодня у вас первый рабочий день, – вещал он, – и я должен провести этот, как его... инструктаж! Начнем с того, что каждый из вас получил значок! Так вот, снимать этот значок во время работы – запрещается! Перемещать его под верхнюю одежду – запрещается! – фразами Хром-Блестецкого можно было рубить деревья.

Топыряк вздохнул. Эстетическая ценность значка была сомнительной.

– С сегодняшнего дня вы будете встречаться с большим количеством людей, – продолжал поучать тощий волшебник, – и для каждого из них вы должны быть символом счастья и благоденствия, которые принес в наш город мэр Мосик Лужа...

– А он что, и вправду принес? – спросил кто-то из агитаторов.

– Э... как бы да... – Хром-Блестецкий задумался. – По крайней мере в метафорическом смысле... Или принесет в будущем? В общем, неважно на самом деле, принес он их или нет, главное – чтобы каждый, кто видит и слышит вас, так думал! Понятно?

Негромкое мелодичное сопение, донесшееся до Арса, красноречиво заявило, что Рыггантропов слушает инструктаж с величайшим вниманием.

– Вы будете лицом самого мэра. И по вас станут судить о нем!

Арс покосился на Тили-Тили, который больше всего напоминал оживший кошмар алкоголика, и подумал, что если о Мосике Луже будут судить по такому агитатору, то шансов победить у него немного...

– Помните, что с помощью заклинаний я всегда буду знать, что делает каждый из вас! Так что не пробуйте увильнуть от работы! Лентяи и халтурщики будут строго наказываться!

Студенты грустно переглядывались. Похоже было, что ра-

ботать придется всерьез. О том, чтобы обмануть опытного волшебника, специалиста по управленческой магии (большую часть которой составляют подсматривающие заклинания), нечего было и думать.

– Все поняли? Тогда сейчас я выдам вам задания. Сегодня предстоит вешать растяжки и расклеивать плакаты...

Арс толкнул плечом Рыггантропова. Двоечник всхрапнул, словно испуганный конь, открыл глаза.

– Что, перемена?

– Ага, она самая, – сказал Топыряк ядовито, – просыпайся, пойдем работать!

Самая лучшая гостиница Ква-Ква называлась «Три носка». По крайней мере, лучшей считал ее хозяин, бывший уличный борец Гранд Кобызяк. Правдолюбыв, пытавшиеся поведать ему о шастающих по комнатам тараканах, щелястых стенах и мокром постельном белье, почему-то быстро умолкали и соглашались с тем, что были не правы...

Какую-то роль в этом играла привычка Гранда Кобызяка во время разговора потирать руки. Громадные, мозолистые лапищи, по твердости не уступающие гранитным плитам.

Но с чем никто не спорил – «Три носка» была гостиницей безумно дорогой и поэтому ужасно престижной. Тут останавливались (описав потом пребывание в Ква-Ква в поэме «Пять дней пыток») эльфийские владыки Лоскута Высокий лес, прошлый китежский князь и множество других правителей, одно перечисление которых заняло бы несколько стра-

ниц.

Естественно, что всемирно известного поллитртриналоха Цук Цурюка поселили именно сюда. Винтус Болт и Хром-Блестецкий скрипели зубами над каждым пузырьком, который приходилось отдавать Гранду Кобызюку, но исправно платили.

Ведь поселись всемирно известный поллитртриналох на каком-нибудь вонючем постоялом дворе в Норах, это вызвало бы ненужные вопросы: так ли он всемирно известен? так ли он известен вообще? и поллитртриналох ли он в принципе?

Вечерами, после «работы» в «Ссамом главном придвыборном штабе», Краска Пуха привозили в «Три носка» в специально нанятой карете, так что сбежать не было никакой возможности.

Бывший ассенизатор сидел внутри поскрипывающей деревянной коробки на колесах, с отвращением вдыхал запах лаванды, исходящий от мягких сидений, и смотрел в окошко, за которым мелькали улицы родного города.

На противоположном сидении переговаривались Хром-Блестецкий и Винтус Болт. В речи их мелькали заумные магические термины: «мотивация», «базисные потребности», «инфляция политических ценностей» и «массовое сознание».

– Вот мы и приехали, – сказал Винтус Болт, когда карета остановилась, – не проспи завтра. Мы заедем за тобой в де-

вять.

Краск Пух мрачно кивнул. Выбравшись из кареты, он оказался перед широкими, покрытыми ободранной позолотой дверями. Над дверями висела огромная вывеска: «Три наска». Ниже, для особо непонятливых, имелась приписка «Лучшая гостиница в Ква-Ква».

Около дверей топтался маленький, но очень широкий гном в одежде, состоящей на первый взгляд из одних галунов, аксельбантов и бороды. В «Трех носках» он исполнял обязанности швейцара.

– О, масса Цурюк! – сказал гном, завидев постояльца, – проходите! Хей-хо!

По непонятной прихоти хозяина он изображал чернокожего и безбородого выходца из Лоскута Пески, подделывал акцент (с тем же успехом, как крокодил мог прикинуться елкой) и вставлял в речь тамошние словечки.

– Благодарю! – пробормотал гном, получив бубль. – Доброго вечера, масса Цурюк!

«Ладно хоть не длина», – мрачно подумал Краск Пух, входя внутрь.

– О, как мы рады вас видеть! – к постояльцу тут же подскочил слуга, в лице которого абсолютно все, от прыща на подбородке до прилизанных волосенок на макушке, излучало угодливость. – Что будете сегодня на ужин? Есть копченые павлины, соус фу-дрянь-блин, лососевые палочки, обжаренные в меду верблюжьи носы...

– А сосиски? – спросил Краск Пух. – Такие обычные, жирные, блестящие, в которых больше опилок, чем мяса?

– Э, – в глазах слуги мелькнула паника, – мы найдем... обязательно!

Он думал, что знает все о прихотях богатых клиентов, готов был к тому, что у него потребуют ванну из молока или жареные птичьи язычки, но с сосисками сталкивался впервые.

– Полейте их ядовитым кетчупом. Ну, знаете, есть такой, что делается из уксуса с добавлением красной краски.

– Хорошо, – кивнул слуга, судорожно соображая, где добыть такой кетчуп. – Все будет в лучшем виде. А вы пожалуйста в подъемник.

На верхний этаж клиентов возносили (другого слова не подберешь) через проходящую сквозь здание шахту, по которой вверх-вниз ползала висящая на прочных канатах большая корзина. В движение она приводилась некоторым количеством троллей.

Краск Пух не без опаски открыл дверцу в боку корзины и ступил внутрь. Прутья под ним гостеприимно затрещали.

– Поехали вверх, – крикнул вниз слуга, – третий этаж...

Послышалось шуршание, словно много очень маленьких камушков терлись друг об друга, а затем голос, который проще всего описать как «гранитный», проскрежетал:

– Навались, парни.

Зашуршало громче, на этот раз терлись крупные глыбы,

составляющие не мозги, а то, что заменяет троллям мускулы. Завращались огромные ворота, пропущенные через многочисленные блоки веревки натянулись и закрипели, корзина рывками поехала вверх.

Краск Пух предпочел бы банальный подъем по лестнице, но в данной ситуации выбора он был лишен. Занимающий один из лучших номеров гость не должен утруждать себя подобным образом.

Мимо проезжали стены, шуршание внизу стало тише. Проплыл и остался ниже второй этаж, потом появился третий.

– Стой, парни, – совсем слабо донесся гранитный голос, и корзина встала.

Зубы Краска Пуха звучно клацнули.

Номер его был ужасающе велик, состоял из гостиной, спальни, ванны и туалета, так что привыкший к тесному жилищу, в котором «комната» была понятием условным, ассенизатор всерьез опасался, что однажды заблудится и не сможет выйти.

Но что самое страшное – тут было чисто и хорошо пахло.

Краск Пух мечтал хотя бы о пятнышке грязи на ковре, о кучке мусора в одном из углов, о родном запахе отбросов. Но бдительная прислуга была все время начеку, горничная два раза в сутки осуществляла безжалостные набег, с помощью тряпок, швабр и теплой воды уничтожая само воспоминание о нечистоте...

Краску Пуху приходилось терпеть.

Не успел он стащить надоевший балахон, как в дверь постучали. Судя по всему, доставили сосиски. Ассенизатор не удивился бы, что для скорости их изготовили из копченых павлинов. А на кетчуп пустили какой-нибудь редкий соус, продаваемый по каплям.

– Войдите, – буркнул Краск Пух, вновь входя в роль великого поллитртриналоха. Роль эта требовала надменно пучить глаза и выпячивать нижнюю челюсть, чем он и занялся.

Дверь открылась, в комнату въехала тележка на колесах. На тележке стояли закрытые блестящими крышками блюда, а толкающий ее слуга почему-то оказался облачен в глухую черную мантию с капюшоном.

– Ваши сосиски, господин, – сказал он.

– Поставь на стол и можешь быть свободен.

Краск Пух отвернулся в полной уверенности, что слуга выполнит все, что ему прикажут. Работающие у Гранда Кобызяка люди были вышколены так, что исполняли желания клиента иногда быстрее, чем тот успевал их не то что высказать, а просто ощутить.

Поэтому великий поллитртриналох был немало удивлен, когда через пять минут повернулся к столу и обнаружил там слугу в мантии. Тот стоял, направив на постояльца какой-то раздвоенный пруток, а из-под капюшона доносилось тихое бормотание.

Краск Пух отшатнулся – сумасшедший? Но такого бы не

взяли в слуги!

Но тут волосы на голове ассенизатора шевельнуло непонятно откуда взявшимся горячим ветром, а кончики прутка засветились малиновым пламенем. Бормотание сделалось громче.

Стало ясно – магия.

– Ах вы так, да? – вскричал Краск Пух, вложив в этот возглас всю накопившуюся за последние дни злость. Он был сыт по горло волшебниками, их грязными чародейскими делами, мерзким колдовским презрением ко всем вокруг...

Краск Пух шагнул вперед и от всей души врезал типу в черной мантии туда, где под капюшоном должна была быть челюсть. Судя по уверенному, твердому стуку, она находилась на месте.

– Аргх, – удивленно сказал волшебник и брякнулся на задницу.

– Вон! – рявкнул поллитртриналох, мгновенно превратившийся в разгневанного ассенизатора, и замахнулся ногой...

Пинок пришелся в пустоту.

Волшебник, демонстрируя присущую его породе увертливость, ловко вскочил на ноги и одним движением выскочил в коридор. Когда пылающий праведным гневом Краск Пух выглянул за дверь, там было пусто...

Единственное, что его утешило, – сосиски оказались настоящими, из жира, хорошо перемешанного с мелкими опилками. Кетчуп был настолько ядовит, что им отравилась

бы крыса.

Для Краска Пуха наступил такой редкий в последнее время момент радости.

Шнора Орина разбудил стук входной двери. Потом начали раздаваться звуки, которые обычно производит человек, пытающийся тихо пройти через темную комнату: приглушенные удары, стук падающей мебели, сдавленные проклятия...

– Да ладно, не дергайся, я уже не сплю, – сказал Шнор и в доказательство своих слов звучно зевнул.

Спящие никогда не зевают, хотя иногда разговаривают.

Заглась свечка, вырвав из тьмы лицо, принадлежащее Арсу Топыряку, только бледное и какое-то исхудавшее. Черные волосы, вечно топорщащиеся непокорным ежиком, сейчас висели слипшимися прядями. Под правым глазом красовался свежий синяк, под левым – царапина.

– Что с тобой сделали? – потрясенно спросил Шнор. – Продали в рабство на пиратскую галеру, а ты оттуда сбежал? Или заставили таскать камни, рыть землю и месить глину?

– Хуже, – мрачным голосом ответил Топыряк, – я работаю на выборах.

– Чего?

– Ну, делаю всякие штуки для мэра Мосика Лужи, чтобы его выбрали еще раз...

– Ага, – Шнор сделал вид, что понял. – Это какие такие

штуки?

– Сегодня мы начали с того, что вешали растяжки, – Арс закрипел зубами, – это такие полосы ткани, на которых краской написана всякая дребедень. Их натягивают поперек улиц.

– Эээ... а как же ходить?

– Их вешают высоко, – объяснил Арс, – и для этого нужно лазить по водосточным трубам и забираться на чердаки.

Мантия Топыряка, по чистоте не отличающаяся от квакваской мостовой, то есть от грязи в чистом виде, красноречиво говорила, что не все восхождения завершились удачно.

– Потом мы организовывали встречу мэра с лохами... с избирателями. На Молоточной площади.

– Это где?

– Ближе к правой окраине, – Арс неопределенно махнул рукой. Рукав, державшийся на честном слове и последних нитках, при этом движении отвалился. – Недалеко от Дыр.

– Ооо!

– Мы ходили по домам, стучались в двери и, улыбаясь, – при этом слове на лице Арса появилась такая гримаса, что при ее виде любой, самый злобный демон тут же убрался бы в Нижний мир, – улыбаясь, говорили им: «Нижайше просим пожаловать на встречу с мэром Мосиком Лужей, который...»

И тут Топыряк замолчал.

– А что дальше? – подбодрил приятеля Орин.

– На этом месте нас обычно начинали бить, принимая за бродячих торговцев, – Арс поднял руку к лицу и потрогал синяк, – но иногда слушали всю эту ахинею... в смысле, агитацию до конца. Кое-кто даже явился на площадь.

– И что там было?

– Мэр на самом деле приехал и долго всем рассказывал, какой он хороший. Но после того как из толпы в него начали кидать гнилыми яблоками, встреча с избирателями почему-то закончилась...

– Мда, – сказал Шнор после пятиминутных размышлений. – Может быть, тебе бросить эту работу?

– Чтобы сегодняшние мучения пошли мантикоре под хвост? – Арс поднял рукав и принялся его разглядывать. – Заплатить обещали только в начале следующего месяца! Так что придется мучаться... работать дальше.

– И на что только не пойдет человек ради денег! – вздохнул Шнор и отвернулся к стене.

– И не только человек! – мрачно добавил Арс, стягивая с себя мантию. Та от грязи стала тяжелее раза в два и напоминала очень большую тряпку, которой мыли пол в дизентерийном бараке.

В кабинете мэра было светло почти как днем. Болтающийся под потолком магический шар горел ярко, чуть слышно потрескивая. В его глубине перемещались клубы сияющего дыма.

Но взгляд Краска Пуха приковывал другой источник света – пылающие холодной яростью глаза Мосика Лужи.

– Так, – голос мэра при всем этом звучал спокойно, – господа маги, и что, это и есть ваша хваленая поллитртриналохия?

И Мосик Лужа выразительно указал себе на лоб, где краснела большая шишка.

Краск Пух сидел ни жив ни мертв. В этот момент он впервые порадовался, что наряжен в мантию, под которой не видно, как от страха трясутся ноги. Хотелось встать и выпрыгнуть в окно.

– Э, – сказал Хром-Блестецкий, – небольшая накладка, неправильный расчет целевой группы, отсутствие консенсуса при наличии семантических противоречий...

– Хватит тут эти... матыры читать! – рявкнул мэр. – Как врежу тебе в лоб яблоком, так сразу осознаешь, что такое эти ваши группы и противоречия!

– Не гневайтесь, господин мэр, – подал голос Винтус Болт. – Мы только начали работу. Чтобы привести в действие могучие силы поллитртриналохии, нужно несколько дней! Ведь так, мудрейший Цук Цурюк?

И маг яростно пихнул Краска Пуха коленом.

Тот судорожно кивнул.

– Через двадцать дней каждая собака в этом городе будет испытывать счастье при одном вашем виде! – голос Винтуса Болта журчал мягко и успокаивающе, и с лица Мосика Лужи

один за другим исчезали признаки гнева.

– Псов оставьте в покое, – буркнул мэр. – Собачья радость – она несколько... опасна для одежды. Я не собираюсь ходить весь в слюнях!

– Как скажете, господин мэр, – не стал возражать Хром-Блестецкий, – собак трогать не будем. Сосредоточимся на людях.

И звучала в голосе мага-управленца такая жуткая убежденность, что услышь его люди, на которых он вознамерился сосредоточиваться, они бы дружно собрали манатки и удирали, пока не уткнулись в горы, ограничивающие Лоскутный мир с любого края.

Сегодня блюдо перед Тошим Брыком было наполнено, для разнообразия, копчеными угрями. Рыбины мученически взирали на мир выпученными глазами, ожидая гибели в горе жирной плоти.

– Ну, что скажешь, Скрытный? – поинтересовался купец, отправляя одного из угрей в рот. – Что там с этим... как его... политринажером?

– Поллитртриналохом, мой господин, – кусок мрака по другую сторону стола шевельнулся, черная мантия, под которую отчаялся проникнуть даже свет, колыхнулась. – С ним не все ясно. То ли в нем магии меньше, чем в старом гвозде, то ли она настолько тонка, что я ее не чувствую...

После этих слов маг, прозванный Скрытным, поднял руку

и осторожно пощупал челюсть. Синяк на ней болел, и, увы, не было никакой возможности узнать, оставлен он волшебником или обычным человеком.

– Вот как? – Тощий Брык усмехнулся, напоминая при этом улыбающийся торт из взбитых розовых сливок, – Тем не менее люди мэра развили бешеную активность, скоро половина городского мусора будет состоять из их агитационных материалов. Благодаря их заказам сильно выросли цены на краски и пергамент, а в стадах Троеречья наблюдается уменьшение поголовья...

– В этом нет ничего необычного. Стандартная управленческая магия, интенсивный предвыборный вариант.

– Вот! Это-то и пугает! – Тощий Брык вздохнул и запихнул в пасть сразу пучок угрей. Щеки его задвигались, наводя на мысли о двух порциях желе. – Что за страшная штука поллитртриналохия, если ее никто не видит! А она тем временем действует!

– Да, о да, – Скрытный рассмотрел высказанное предположение со всех сторон, повертел его так и эдак, и в любом случае оно ему не понравилось.

– Так вот я подумываю, что настало время объединиться!

– С кем?

– С остальными, – угри исчезали с блюда с такой скоростью, словно уплывали с него самостоятельно, – ведь если один из соперников использует нечестные приемы, то почему бы остальным не завалить его скопом? А потом уже разо-

браться между собой? По-честному...

– По-честному – это так, чтобы следующим мэром стали вы? – уточнил Скрытный.

– Само собой, – кивнул Тощий Брык. – Не этот же гордец Вейл Фукотан, у которого кроме родословного древа и фамильного меча, затупившегося еще тысячу лет назад, ничего нет? И не Крак Мясоруб, умеющий считать только до четырех, поскольку у коровы четыре ноги...

– Ясно.

– И я хочу, чтобы контакты с Вейлом и Краком наладил ты, – Тощий Брык задушевно улыбнулся. От этой улыбки, которую купец обычно приберегал для упорных должников, замерз бы до дна небольших размеров пруд. – Я знаю, что и на того и на другого работают волшебники, а уж между собой вы всегда договоритесь...

Скрытный откровенно скривился, понимая, что его гримасы не видно под капюшоном. Он презирал конкурентов, бесталанных выскочек, которые мнят себя магами, а сами не способны наколдовать приличное проклятье...

Но клиенту об этом презрении знать необязательно.

– Хорошо, – сказал Скрытный ровным голосом. – Я это сделаю.

– Вот и славно. Да... и еще один вопрос...

– А?

– Зачем ты носишь капюшон? Из зловещих принципов черной магии? Или боишься, что тебя опознают проклятые

тобой люди?

– Я просто стесняюсь прыщей, – ответил Скрытный равнодушно.

Тощий Брык едва не подавился последним угрем.

В обычные дни «Ссамый главный придвыборный штаб» напоминал сумасшедший дом в ночь полнолуния. Сегодня для его описания потребовались бы сравнения, которых средний человеческий (не говоря о прочих расах, фантазия которых развита несколько хуже) ум выработать не в состоянии.

Все суетилось, бегало, вопило и клокотало.

Объяснялось это просто – агитаторам давали зарплату.

Из дверей дома номер шесть по улице Дымных Холмов тянулась длинная очередь, напичканная раздражением и ругательствами, словно колбаса – перцем и чесноком.

Благоразумные обитатели соседних домов, видя молодых людей в студенческих мантиях, старались держаться подальше. Дурная репутация учащихся МУ была известна всему городу, а актуальность пословицы «Хочешь неприятностей – разозли волшебника» не становится меньше, если волшебник выучился не до конца.

Быть превращенным в жабу наполовину не многим приятнее, чем полностью.

Над очередью клубилось звуковое облако, состоящее в основном из смешков и коротких, но предельно выразитель-

НЫХ ВОЗГЛАСОВ.

– Куда прешь? Тебя тут не стояло!

– Сам дурак!

– Он мне на ногу наступил!

– А в глаз?

Арсу повезло, он пришел одним из первых, чуть ли не с рассветом. Так что стоять ему пришлось недолго – всего два часа. За это время он успел выслушать невероятное количество бородатых анекдотов и слегка проголодаться.

Глава 3

Миновав уныло сидящего у входа Цук Цюрюка, Арс полчаса проторчал в темном и душном коридоре. Только затем он оказался перед дверью, из-за которой доносился голос Хром-Блестецкого и негромкое звяканье монет.

Счастливицков, получивших заработанное, выпускали через заднюю дверь.

– Вот так, распишись здесь, – начал командовать тощий волшебник, не успев Топыряк войти в комнату. – Вот твои деньги...

По столу с дребезжанием проехала стопочка бублей.

– А почему тут написано «пятьдесят»? Ведь я получаю гораздо меньше? – спросил Арс, подозрительно вглядываясь в придвинутый к нему пергамент.

– Умный, что ли? – буркнул Хром-Блестецкий. – Умным тут положено быть мне, а тебе положено быть исполнительным. Расписывайся, если не хочешь остаться вообще без денег...

Арс поспешно заскрипел пером по пергаменту.

– Сейчас получишь задание на сегодня, – сурово сказал тощий волшебник, когда студент запихал деньги в карман, – иди.

За задней дверью обнаружился Винтус Болт. Комната вокруг него была завалена до потолка. Тут имелись пачки цве-

тастных листков и еще какие-то непонятные трубочки, похожие на хоботки комаров-переростков.

– Держи, – сказал Винтус Болт, без лишних объяснений вручая Арсу одну из пачек и трубочку.

– Что это? – осмелился поинтересоваться Топыряк.

– Агитационные плакаты и клей, с помощью которого ты их будешь прикреплять, – пояснил маг, – на тебе восточная часть храмового квартала, до святилища Одной Бабы. Понял?

Арс уныло кивнул. Трубочка мгновенно прилипла к его пальцам.

– Тогда вперед! И помни, что мы всегда смотрим на тебя!

Храмовый квартал расположен к востоку от площади Изопилия с ее знаменитым на весь Лоскутный мир рынком. Жизнь в этом уголке Ква-Ква кипит круглосуточно и очень бурно. Кто-то говорит, что благодаря покровительству богов, кто-то – что из-за того, что тут обитают большие, очень большие деньги.

Пока Арс добрался от улицы Дымных Холмов до храмового квартала, он смог в полной мере оценить прелесть городской избирательной кампании. Стены большинства домов были сплошь залеплены агитационными плакатами. Каждый из них был истинным произведением искусства и занял бы одно из призовых мест на конкурсе «Самая идиотская картинка года».

На одних красовался похудевший раза в два Тоций Брык,

дополненный надписью: «Вперед, к хорошей жизни!». С других улыбался нынешний правитель Ква-Ква. Для особо недогадливых на нем крупными буквами было написано: «Мосик Лужа – нашш мэр!».

С третьих на прохожих глядело лошадиное лицо Вейла Фукотана, к которому добавлялась вскинутая рука и броский лозунг «Вирнем гораду славное прошлое!». Ну а плакаты Крака Мясоруба выделялись благодаря радикальному красному цвету и короткому призыву «Бей богатых!».

Плакаты наползали друг на друга, теснились, вели борьбу за жизненное пространство. Прислушавшись, можно было уловить, как клацают пергаментные челюсти и скребут спрятанные под глянцем когти.

Под ногами шуршали сугробы из обрывков. Представители соперничающих фракций ночами занимались тем, что с пыхтением и воинственными воплями сдирали со стен чужие плакаты.

Кое-где горожане, по причине хронического недосыпания впавшие в ярость, выставляли у домов ночные караулы, а днем, завидев человека, развешивающего плакаты, кидались его бить.

Профессия агитатора по степени риска постепенно приближалась к ремеслу заклинателя демонов.

Наверху между домами, хлопая на ветру, как вывешенные на просушку штаны, болтались растяжки. При их создании использовали слабые привлекающие чары, и взгляд неволь-

но тянулся вверх, к аляповатым светящимся надписям, содержащим в себе столько же смысла, сколько каракули, которые обычно пишут на заборах.

«Мосик Лужа – нашш мэр!»

«Галасуй за свабоду!»

«Радной горот ждет твоиго ришения!»

Кое-где выкидыши магико-политической мысли дополнялись приписками ушлых торговцев, наловчившихся использовать бесплатную рекламную площадь. Временами это выглядело весьма таинственно.

«Пабеда или смерт! Скидки до дисяти працентов».

«Он пазаботится о тебе! Луччие яды против крыс, тороканов и прочих вридителей!»

«Иа выбираю Фукотана! Гаршки, миски, плошки – дешевше не бывает!»

По загадочности эти надписи могли конкурировать со знаменитыми коанами, высеченными на стенах древнего монастыря Бурюк, что стоит у самого подножия Влимпа.

Растяжки встречались через каждый десяток метров, и любой из обитателей Ква-Ква, ходящий по улице, рисковал тем, что от слишком частого поднимания головы у него вывихнется шея.

Арс спасался тем, что все время смотрел под ноги, не позволяя взгляду подняться выше коленей. До храмового квартала он дошел без приключений, но главные опасности поджидали его на месте работы.

Поднять взгляд пришлось, когда впереди открылся храм Одной Бабы – здание с крышей, напоминающей по форме женскую грудь. Перед ним высилась статуя хозяйки – толстой женщины, вместо лица у которой была ровная поверхность.

Одна Баба являлась старейшим и мудрейшим женским божеством Лоскутного мира. Ссылка на ее мнение (Одна Баба сказала!) заставляла самых упорных оппонентов стыдливо умолкать и раскаиваться в неправоте.

Но у нее, как у всякой женщины, были свои капризы.

Она ужасно стеснялась собственного лица и имени. И то и другое находилось под запретом. Рискнувший изобразить лик богини вскоре обнаруживал, что у нее имеется гневная ипостась, а уж о судьбе того, кто отважился назвать ее по имени, лучше было и не спрашивать...

Около храма Одной Бабы, как и у любого другого, толклись нищие калеки. Большею частью они выглядели толстыми, как молочные поросята, что не мешало им выть тонкими жалобными голосами: «Подайте на хлебушек! Окажите милость, во имя Богини! Не дайте помереть с голоду! Куда пошел, жадная сволочь? Чтоб тебя скрутило!».

На Арса они внимания не обратили – что взять с голодранца в студенческой мантии?

Этому обстоятельству Топыряк был только рад. Миновав галдящую толпу, он остановился у святилища Тумпа Немо, Молчаливого Бога, где было тихо и безлюдно (Тумп Немо,

оправдывая прозвище, не любил шумного поклонения). Воровато оглядевшись, Арс извлек из-под мантии пачку плакатов.

Наступал самый ответственный момент. Боги, если судить по рассказам жрецов, плохо относятся к украшениям на наружных стенах храмов, а на дерзких, рискнувших эти украшения развешивать, обращают свой гнев.

Непосредственно от богов Арс никогда не страдал, все больше от кулаков их служителей, поэтому сомневался, что обитателям Влимпа есть какое-то дело до агитации на стенах храмов.

Крадучись, он подошел к стене и выдавил на нее полосу клея из липкой трубочки. За ней еще одну, и поспешно наклеил плакат. Нужно было торопиться. Оставалось не больше пяти минут до того, как из святилища выскочат рассерженные люди в жреческих одеяниях...

Заговорщики должны встречаться в местах темных и уединенных – это закон. Понятно, что обсуждать план переворота или убийства где-нибудь в ресторане было бы куда удобнее, но откуда в этом случае взять необходимую зловещую атмосферу?

А заговор, в котором нет такой атмосферы, не может считаться настоящим. Историки пренебрежительно хмыкнут и не уделят ему должного внимания в правдивых, как рекламная статья, анналах.

Магу по прозвищу Скрытный, который организовывал встречу кандидатов в мэры, пришлось попотеть. Мало того, что нужное помещение должно было быть мрачным и уединенным, оно должно было иметь три входа (чтобы все трое могли войти одновременно), и располагаться в центре города (чтобы никто, не попусти боги, не ощутил, что ему пришлось ехать слишком далеко).

И Скрытный преуспел. Сейчас он пожинал плоды трудов.

Три двери скрипнули одновременно и столь зловеще, словно над этим звуком трудилась бригада по спецэффектам, поднаторевшая на фильмах ужасов. Три человека вступили в помещение, настолько мрачное, что Дракула, увидев его, позеленел бы от зависти и срочно начал перестройку своего склепа.

– Приветствую вас, господа, – пропыхтел Тощий Брык на правах инициатора встречи. – Присаживайтесь.

Бросая друг на друга взгляды, полные истинно братских чувств – ревности и подозрительности, – кандидаты в мэры уселись за треугольный стол, освещаемый одной-единственной свечой.

За спиной каждого, в тени, остался явившийся вместе с нанимателем маг – советник и одновременно телохранитель.

– И зачем вы нас позвали? – голосом, который можно описать только превосходной степенью от прилагательного «высокомерный», поинтересовался Вейл Фукотан – высокий мужчина, выглядящий так, словно проглотил копьё. Выбри-

тый до синевы подбородок его агрессивно сверкал, а в глазах светилась гордость за многие сотни поколений благородных предков.

Для ума, честности и прочей ерунды места там не оставалось.

– Да-да, зачем? – Крак Мясоруб пришел на встречу в фартуке, заляпанном кровью, и демонстративно выложил на стол кулаки, которыми можно было глушить быков.

– Мне кажется, – Тощий Брык вздохнул, жалея, что под руками нет парочки жареных карпов или хорошего окорока – от спуска по лестнице разгулялся аппетит, – что у нас есть одна общая проблема.

– Э, – Вейл Фукотан напрягся, – высокие цены на пиво?

– Крысы? – предположил Мясоруб.

– Нет, – Тощий Брык вздохнул вновь, поражаясь, какие люди рвутся к власти в городе, – это Мосик Лужа. Мы все ведем предвыборную кампанию честно и чисто, – эту фразу купец репетировал три дня и поэтому смог выговорить ее без запинки. Как покраснели его щеки, в полумраке было не видно. Другие два кандидата дружно потупились, – он же применил секретную и грязную магию, именуемую поллитр-триналохия...

– А что это? – спросили Вейл Фукотан и Мясоруб одновременно.

– Никто не знает, – пожал жирными плечами Тощий Брык. – Известно только, что она есть и действует...

Маг-советник зашептал что-то на ухо Фукотану. Мясоруб тревожно огляделся, явно подозревая, что поллитртриналохия клацает зубами в одном из темных углов.

– Ну хорошо, – сказал Вейл Фукотан после паузы. – Вроде есть такая штука, а делать-то нам чего?

– Объединить усилия и свалить Мосика Лужу! – провозгласил Тощий Брык, решительно стукнув рукой по столу. Шлепок получился такой, словно большим куском студня ударили по доске. – А потом уже между собой решить, кто достоин быть мэром!

Кандидаты в градоначальники посмотрели друг на друга с плохо скрываемым презрением. Каждый из них считал достойным себя.

– А не проще ли убрать того мага, который сделал эту... поливитаминералогию? – спросил Мясоруб.

– Уже поздно. Запущенная в работу, она не исчезает с гибелью создателя, – этой деталью Тощего Брыка снабдил Скрытный. А он вычитал про нее в популярной брошюрке «Поллитртриналохия для всех», которую приобрел в букинистической лавке.

– Тогда что будем делать?

– Объединим усилия наших избирательных штабов и направим их против мэра! Ну а если и это не поможет, – Тощий Брык понизил голос до зловещего шепота, каким только и можно разговаривать об убийствах, – то уберем самого мэра...

– О, – сказал Вейл Фукотан.

– А! – поддержал его Крак Мясоруб.

– Как я понимаю, вы согласны? – Тоший Брык потер руки, вызвав у всех, кто видел этот жест, смутные мысли о совокупляющихся китах. – Тогда перейдем к деталям!

Погода стояла такая, что назвать ее «скверной» можно было только в качестве комплимента. С неба изливался охлажденный до самой мерзкой температуры дождь, а ветер, судя всему, взял на себя обязательство сорвать одежду со всех прохожих в Ква-Ква.

Собаки сидели по домам, в отличие от агитаторов.

– Что за жизнь, – бурчал Арс Топыряк, стараясь ступать по наименее глубоким лужам (из банального страха за жизнь, в кое-каких лужах можно было запросто утонуть), – нормальные люди и прочие разумные существа у печки греются... А нам тут грязь месить. Куда мы хоть идем?

Грязи вокруг хватало. Можно было сказать, что только ее кучки и выступали из луж.

– Растяжку исправлять. Опять кто-то попортил, – ответил старший группы агитаторов, отважно пробиравшихся сквозь непогоду.

В последние десять дней плакаты и растяжки с изображением Мосика Лужи стали не только срывать, но и уродовать – мэру пририсовывали усы, бороду, фингал под глазом, писали на его светлом лице непотребные слова, изобразить ко-

которые печатными буквами просто невозможно!

По городу поползли мерзкие слухи, один нелепее другого: что Мосик Лужа тайный извращенец, обожающий сексуальные игры с участием малолетних дохлых животных, что он поклоняется демонам, принося им кровавые жертвы, что в детстве он задушил собственную бабушку, что в подвалах мэрского дворца тайно пытаются личных врагов градоначальника...

Напрасно Мосик Лужа выступал с опровержениями. Его слушали, ухмылялись, но не верили. А слухи размножались, совокупляясь самым причудливым образом: мэр поклоняется маленьким дохлым животным, в его подвалах пытаются бабушек...

Приходилось усиливать агитацию.

– Вот она, – сказал старший группы, студент шестого курса по имени Носс в тот момент, когда Арс разуверился, что они вообще куда-нибудь придут.

Над улицей, шипя под дождем и выбрасывая лиловые искры, болталась обычная притягивающая взгляд растяжка: «Мосик Лужа – нашш мэр!». Кто-то дописал к ней пару букв, превратив достойный лозунг в полное посмешище: «Мосик Лужа – нашш мэрин».

– Мда, это лучше снять, – хихикнул Носс. – Обидно, когда тебя называют козлом!

– При чем тут козел? – удивился Арс.

– Ну, мерин – это ведь такой козел? – Носс всю жизнь

провел в Ква-Ква, а из живых существ не понаслышке знал только крыс и тараканов.

– Ну, не совсем так... – сказал Арс.

– Да ну и ладно, – не смутился Носс. – Так, где у нас лестница? Подымайте, а ты, Топыряк, вперед!

Арс вздохнул и обтер ладони о мантию, безуспешно попытавшись сделать их сухими. С таким же успехом он мог прополоскать руки в луже. Очень не хотелось под дождем лезть по мокрой лестнице на высоту третьего этажа, где к водосточной трубе была привязана растяжка.

– Не бойся, Топыряк, – подбодрил его Носс. – Если чего, то мы тебя поймаем...

Арс помянул матушку всех демонов и, переступая с перекладины на перекладину, полез вверх. Лестница закончилась на высоте второго этажа, дальше пришлось перебираться на стену. К счастью, строители Ква-Ква не утруждают себя особой точностью и почти на любом здании можно отыскать достаточно выбоин, трещин и неровностей.

Ниже окон третьего этажа шел неширокий уступ. Взобравшись на него, Арс отдышался, а потом медленно, шагок за шагом, двинулся к растяжке. Только вцепившись рукой в водосточную трубу, он почувствовал себя уверенно. Осторожно развернулся и принялся за работу.

Она оказалась нелегкой. Арс, пытаясь распутывать узлы, слипшиеся под дождем в неопрятные комки, и старался при этом не свалиться. Уши во всех этих делах не участвовали

и от нечего делать стали прислушиваться к происходящему вокруг.

За тем окном, что находилось справа, было тихо. А вот за левым беседовали.

– Почему в этот раз мы сменили место встречи? – спросил там кто-то голосом настолько высокомерным, что в голову сразу лезли мысли о богах.

– Кто ее знает, эту поллитртриналохию, – ответил другой голос, при звуках которого хорошо думалось о взбитых сливках и гусином жире, – может, она позволяет мэру следить за нами? Лучше не рисковать...

– Тут нет никакой мрачности и зловещести, – сказал третий хрипло и сердито.

– Придется потерпеть, – вздохнул второй. – Зато тут безопасно. Кому придет в голову, что мы можем встретиться в таком месте?

Арс так увлекся подслушиванием, что едва не забыл про веревку. Только подбадривающие крики снизу заставили его вспомнить о работе. Некоторое время он сражался с завязкой, пока та не поддалась пальцам. Затем взялся за вторую.

– ... оказались неэффективны, – беседа за окном продолжалась, говорил хозяин «жирного» голоса, – несмотря на усилия наших очернителей, народ по-прежнему верит в Мосика Лужу, и наши байки только вызвали гордость за него... Каков наш мэр, бабушку удавил, пытками развлекается! Попробуй-ка не выбери такого по второму разу! Пора перехо-

дить ко второму плану!

– Убить мэра? – в высокомерном голосе звучало сомнение. – Как? Нанять профессионала?

Арс вздрогнул и едва не свалился. Люди... существа, собравшиеся в этом доме, собрались убить Мосика Лужу?

– Зачем? – булькнул первый голос. – Будем действовать тоньше. У нас же есть маги! Скрытный, тебе слово!

Бросив завязку и не обращая внимания на прыжки и возмущенные вопли Носса, Топыряк пополз влево. Он должен увидеть тех, кто замыслил столь коварное преступление!

– Благодарю, – услышав, как заговорил тот, кого называли Скрытным, Арс вздрогнул. Подобным образом, мягко и вкрадчиво, могут разговаривать только законченные безумцы. – Мы с коллегами посоветовались и решили, что...

В последнем усилии Арс продвинулся еще на шаг и осторожно заглянул в окно. К его счастью, штор тут не было, и взгляд студента проник в большую, скудно обставленную комнату. За круглым столом расположились трое. Один был до того толст, что фигурой походил на пирамиду. Другой сидел спиной и Арсу был виден только мощный загривок, третий оказался в тени.

За спинами каждого из сидящих стояло по магу. Голову одного из них скрывал капюшон, из-под которого и доносился леденящий голос.

– ... решили, что... нас подслушивают!

Рука волшебника в капюшоне поднялась.

Все, находящиеся в комнате, одновременно повернулись к окну и уставились на Арса. И надо сказать, что неожиданное внимание не вызвало у Топыряка приятных эмоций.

– Э... я... это... хотел узнать, не найдется ли у вас мыла? – спросил он.

– Убить его! – рявкнул толстый.

Арс увидел поднятую руку и дернулся в сторону. Оконное стекло разбилось на сотни осколков, сквозь дыру вылетела струя алого пламени. Пролетев через улицу, она врезалась в стену дома напротив, оставив в ней изрядную дыру.

– Я буду жаловаться! – в дыре тут же появилась женская голова в бигудях.

Через разбитое окно донеслись полные самых разных эмоций возгласы:

– Сколько он услышал?

– Мы пропали! Пропали!

– Пустите, я порублю его в фарш!

– Догнать и убить!

Из окна вылетела вторая струя пламени, опалившая Арсу волосы. Взвизгнув, тот прыгнул в сторону. Мысль о том, что исполнять подобные трюки, балансируя на узком уступе, можно только после длительной подготовки, пришла в голову слишком поздно.

Одна нога провалилась в пустоту.

Падая, Арс выбросил вперед руки и те неожиданно за что-то зацепились. Провисшая под тяжестью студенческого тела

растяжка заскрипела, но выдержала. Ухватившегося за нее в районе второй буквы «м» студента потащило в сторону, потом что-то громко треснуло, и он понял, что падает.

После чего с могучим «плюх!» приземлился в лужу, полную жидкой грязи.

В этот момент Арс впервые порадовался, что улицы Ква-Ква не вымощены красивым и практичным, но таким твердым камнем.

Он выскочил из лужи до того момента, когда пущенный с третьего этажа клуб огня превратил воду в ней в кипяток.

– Он промазал! Промазал! – донесся до ушей Арса пронзительный крик.

Но Топыряк не стал оборачиваться, чтобы выяснить, кто именно кричал. Петляя, словно заяц, он ринулся бежать со всех ног. Его вело горячее желание оставить между собой и людьми, замышляющими убийство мэра, как можно большее расстояние.

– Удрал, – сказал Скрытный, глядя, как фигура в зеленой, заляпанной грязью мантии исчезает за завесой дождя. – Но ничего, мы его найдем...

– Как? Как? – вскричал Вейл Фукотан, в критической ситуации растерявший весь аристократизм. Он напоминал павлина, который неожиданно обнаружил, что его хвост выщипали хулиганы, и от роскошных перьев остались жалкие огрызки.

– Очень просто, – Скрытный оглядел недоуменно замер-

ших внизу агитаторов. Никто из них так и не понял, что произошло, слишком быстро события сменяли одно другое, – эй, молодой человек, да, ты...

– А? – очнулся от ступора Носс. Беседовать с человеком (он с таким же успехом мог быть эльфом, гномом или феем), лица которого не видишь, ему было непривычно.

– Как звали этого... который сбежал? – Скрытный старался разговаривать как можно добрее. Эффект был такой, словно блял тигр. – Видишь, он разбил у нас окно, а за него нужно заплатить.

– Его зовут Арс Топыряк, – поспешно сообщил Носс. Чутким нутром будущего мага-управленца он ощутил, что если не сдаст товарища, то платить за окно будет сам.

– А где он живет?

– Где-то в студенческом квартале, – пожал плечами Носс, потихоньку пятась. Несмотря на ласковый тон, было в голосе существа в капюшоне нечто донельзя жуткое.

– Ладно, – и не обращая больше внимания на оставшихся на улице студентов, Скрытный повернулся к растерянно моргающим заговорщикам. – Не волнуйтесь, я позабочусь о том, чтобы этот Арс Топыряк замолчал... навсегда!

Тощий Брык чуть заметно поморщился, красная рожа Крака Мясоруба расплылась в довольной усмешке.

– Стоит ли пачкать руки? – спросил Вейл Фукотан, лицо которого вновь стало высокомерным, как доска из красного дерева, которая всем видом показывает, насколько она луч-

ше досок из березы и даже дуба. – Может быть, дать ему денег, чтобы он молчал?

– Чтобы гарантированно заткнуть рот, есть только один способ, и это не подкуп, – проговорил Скрытный зловеще, – а бороться за власть и оставить руки чистыми невозможно!

– Вернемся к нашему делу, – сказал толстый купец. – Может быть, перенесем обсуждение на другое время? И соберемся в другом месте?

– Но не позднее, чем завтра, – поспешно заявил Вейл Фукотан. – Надо действовать быстро, пока эта ужасно грязная поллитртриналохия нас не уничтожила...

И с этим никто спорить не стал.

– Ну, господа маги, что вы скажете на это? – Мосик Лужа пребывал в гневе. Но в последние дни это было для него естественным состоянием, и не гневался он только тогда, когда спал.

– На что? – осторожно поинтересовался Винтус Болт.

Краск Пух уже привык к обществу главы города и научился не дрожать в его присутствии. Лишь где-то в недрах его организма обитал страх быть раскрытым, боязнь того, что в один момент откроется, что он не великий поллитртриналох Цук Цурюк, а обычный ассенизатор.

– На те байки, которые рассказывают обо мне по городу! – рывкнул мэр, заставив моргнуть висящий под потолком магический шар.

Страх внутри Краска Пуха потянулся и выпустил когти, длинные и острые.

– На какие? – поинтересовался Хром-Блестецкий с самым наивным видом. Подобно большинству сильно образованных и мнящих себя умными людей, маги пребывали в некотором отрыве от реальности, и этот отрыв можно было описать словами «немалый», «огромный», и даже «катастрофический»...

– Что я сожительствоваю с собственной бабушкой, вызываю демонов и занимаюсь столь ужасным делом, как коллекционирование бедренных костей...

– Что в этом ужасного?

– Вырезанных из живых людей!

– О! – в этот звук маги ухитрились вложить массу эмоций, начиная от восхищения и заканчивая ужасом.

Краск Пух ощутил, что потеет. Что-то ему подсказывало, может быть тот же самый страх, что Мосик Лужа, несмотря на безобидную внешность, способен на такие штучки, еще как способен...

– Эти слухи распространяют ваши противники, – уверенно заявил Хром-Блестецкий.

– Это и так понятно, – мэр фыркнул. – Так что с ними делать?

– С противниками?

– Со слухами!

– Э, – Винтус Болт сделал красивый, хотя и несколько

неопределенный жест, – можно задействовать концепцию символического интеракционизма, разработать адекватные контрмеры в рамках парадигмы теории массового спроса...

– А человеческим языком можно? – попросил Мосик Лужа таким голосом, что маг сразу замолк.

– Коллега хочет сказать, – вступил Хром-Блестецкий, – можно пустить ответные слухи, что Тощий Брык ест суп из сваренных заживо младенцев, что Крак Мясоруб осквернил храм Раздины, что Вейл Фукотан на самом деле женщина.

– Фу, какая гадость, – поморщился мэр. – На прошлых выборах мы как-то обходились без этого. Неужто нельзя иначе?

– Жестокие времена, – пожал плечами тощий маг. – Чем нелепее выдумка, тем она сильнее – основной принцип поллитртриналохии. Ведь так, коллега?

Краска Пуха уже не надо было пихать коленом. Кивать он научился и делал это очень убедительно.

– С запущенными в народ слухами воевать бесполезно, – поддержал Хром-Блестецкого Винтус Болт. – Нужно противопоставить им другие, еще более мерзкие и нелепые!

– Да? Ну ладно, – Мосик Лужа почесал блестящую лысину. – Тогда работайте, господа маги! И я очень надеюсь, что ваша работа будет эффективной!

Ответом ему стало уверенное сопение.

В каждом уважающем себя городе должен быть район, пользующийся дурной славой. Ква-Ква относился к себе с

большим (по мнению жителей других Лоскутов, с чрезмерным) уважением, и таких районов в нем было аж два – Норы и Дыры. Во избежание конкуренции, которая на подобном уровне заключается в поножовщине, располагались они на противоположных окраинах.

Наиболее полно в подобных местах жизнь (если это, конечно, можно назвать жизнью) кипит в притонах – темных, пропахших кислым пивом забегаловках с низким уровнем освещенности.

Самые знаменитые притоны Дыр располагались на улице Приятного Похмелья. Имя того, кто назвал ее так, кануло во тьму веков, но его ум явно отличался чем-то большим, чем просто извращенность.

Притонов было множество, и они четко разделялись по профессиональному признаку. В «Форточке» собирались воры, в «Истинных ценностях» пили пиво фальшивомонетки, а «Бренность» служила пристанищем для убийц, кровожадных и подлых рыцарей трущоб.

Каждым утром (а утро в Дырах начинается где-то в районе девяти вечера) сюда стягивались завсегдатаи – поесть, выпить, перемыть друг другу кости и рассказать о новостях.

Всякое новое лицо в это время вызовет тут интерес, даже если оно скрыто капюшоном.

На вошедшего в «Бренность» Скрытного уставились полтора десятка глаз (не у всех убийц их было по два), в каждом из которых горел нехороший огонек, похожий на блик,

украшающий лезвие ножа, приближающегося к чьей-то шее.

Даже поднаторевшему в черном колдовстве волшебнику стало неловко.

– Э, привет, – сказал он, неожиданно понимая, что его заклинания не помогут против десятка головорезов, – я ищу Кривого Билли. Ему просил передать привет Рыжий Ап.

– Это ко мне, – из-за дальнего столика поднялся широкоплечий тип с таким количеством шрамов на лице, что под ними не было видно кожи. Среди шрамов мрачно горел похожий на злую звезду глаз. – Рыжий Ап дурного человека сюда не пришлет...

Завсегдатаи вернулись к пиву и бифштексам, Скрытный облегченно вздохнул и направился к Кривому Билли. Тот глядел на приближающегося к нему мага с удивлением – как такой мелкий и неказистый человечешка сумел добраться до самого сердца Дыр живым?

Запах жареного Кривой Билли чуял издалека. А тут пахло не жареным – разило горелым.

– Что тебе надо? – прорычал он, усаживаясь. Маг примостился напротив.

– Странный вопрос, – усмехнулся он из-под капюшона, – что может быть нужно от тебя кому-нибудь?

Кривой Билли задумался. Процесс этот был в новинку для него. Заржавевшие мозги шевелились плохо и приходилось помогать им разными способами: движением бровей, прищмокиванием, вращением глаз.

– Убить? – предположил убийца после паузы.

– Именно, – кивнул маг.

Кривой Билли убил больше людей, чем мог сосчитать, и давно забыл, что такое страх, но этот волшебник со спрятанным лицом заставил обитателя Дыр нервничать.

– Сколько? – спросил Билли, за рыком пряча неожиданно проснувшееся волнение.

– Пятьсот.

– Кто?

– Его зовут Арс Топыряк. Он студент Магического Университета.

– Маг? – Кривой Билли сощурил единственный глаз. – Тогда маловато будет!

– Студент, недоучка, – терпеливо сказал Скрытный. – Но если тебе не нужны пятьсот бублей, то я обращусь к любому из милых господ, сидящих за соседними столиками...

– Ладно-ладно, – Билли пошел на попятную, заметив, как настороженно зашевелились уши подслушивающих убийц, как сверкнули алчностью глаза. – Как он выглядит?

– Среднего роста, черные волосы, лицо круглое, – Скрытный хорошо запомнил студента, так некстати подслушавшего важный разговор. – Деньги получишь, когда я узнаю, что он убит.

– Но задаток! – посмел заикнуться Кривой Билли и тут же увял, услышав ответ:

– Никакого. Сделаешь дело – получишь деньги.

– Как я тебя найду?

– Через Рыжего Апа. И учти, дело срочное. Арс Топыряк должен умереть до выборов!

– Ладно, я не буду откладывать дело в долгий ящик, – пробурчал Кривой Билли, – я лучше уложу в ящик этого студента...

– Я очень рад, что мы поняли друг друга, – Скрытный улыбнулся так, как это мог бы сделать айсберг, и поднялся. – До скорой встречи.

О том, что вчера он побывал в Норах и нанял первейшего тамошнего убийцу Косого Эдди, Кривому Билли маг говорить не собирался. Принцип здоровой конкуренции работает и в том случае, если те, к кому он применяется, не подзревают о соперниках.

– Ну что, ты так и будешь теперь жить на полу? – спросил Шнор Орин, заглядывая под кровать.

Арс Топыряк прятался там уже два дня, наотрез отказываясь вылезать и объяснять причины своего поведения.

– Э, не знаю, – совершенно честно сказал Арс. Под кроватью было холодно, грязно и неудобно, но все же Топыряком владело стойкое иррациональное ощущение, что тут его не найдут.

А в том, что люди, разговор которых он подслушал, будут искать, Арс не сомневался.

– Хорошо! Тогда я сегодня зайду на кафедру медицинской

магии и скажу, что ты сошел с ума! – решительно заявил Шнор.

– Не стоит, – Арсу вовсе не улыбалось прослыть сумасшедшим. Заработать такую репутацию очень легко, а вот избавиться от нее сложнее, чем от тараканов. Осторожно, бочком, он выбрался из-под кровати.

– Пойдем на занятия? – предложил Шнор.

– Э, да, – согласился Арс. Мысль о том, что в университете может быть безопаснее, чем дома, показалась ему здоровой. – Пойдем!

– А ты не хочешь переодеться?

– Зачем?

– Твоя мантия выглядит так, словно об нее долго вытирали ноги!

– Ой!

К счастью, Арс недавно заказал портному новую мантию. Теперь ему нужно было лишь снять старую, брезгливо отбросить ее в угол, залезть в шкаф, вынуть новую и надеть ее.

Что он и сделал куда быстрее, чем все это было описано.

По пути до университета Шнор едва не пожалел о том, что вытащил Арса из-под кровати. Тот постоянно оглядывался, вздрагивал при каждом шорохе, а когда из-за угла неожиданно выскочила собака, бросился бежать с истошным воплем «Спасайтесь! Окружают! Они рядом!».

К счастью, Шнору удалось поймать его за рукав.

Когда впереди показались ворота МУ, Топыряк, казалось,

совсем успокоился. Он даже перестал дрожать и оглядываться.

– И чего ты боялся? – спросил Шнор, и в этот самый момент кусты, растущие у забора, зашевелились, и из них выбрался одноглазый мужик с кривым ножом.

Лезвие его выглядело острым и грязным.

Шнор вытаращил глаза и застыл с открытым ртом.

– Ничего личного, парень, – сказал одноглазый и ткнул Арса ножом.

Тот ловко увернулся и, взвизгнув на самой высокой ноте, рванулся к воротам. Сторожевые драконьи головы, бывшие до сего момента неподвижными, раскрыли пасти и проскрежетали:

– Пароль!

Но Арсу, который несся так, что земля дымилась под пятками, было не до всяких глупостей. Он проскочил ворота, а два потока пламени, вырвавшихся из драконьих глоток, прошли за его спиной.

– Крысиное отродье! – рявкнул одноглазый и бросился вслед за студентом.

– Пароль! – встретили его драконьи головы.

– Триста шестьдесят! – за время сидения в кустах убийца успел подслушать заветную фразу.

На его несчастье, после событий с украденным волшебным мечом и сбежавшим заколдованным козлом в МУ завели такую вещь, как Волшебная Охрана (сокращенно – ВО-

ХР). Ее сотрудники, вохртеры, сидели на всех выходах из университета.

Когда мимо одного из них пронеслось нечто зеленое и орущее, то вохртер вздрогнул, пробуждаясь от дремы, схватил находящийся под рукой колокольчик и яростно зазвонил.

Звон набатом звучал в расположенной под самой крышей комнате. Там с кашляющими и стенающими звуками оживала группа быстрого реагирования. Входящие в нее волшебники хватали толстые боевые посохи и по одному выпрыгивали в окно.

Мчащийся по двору убийца остановился, пораженный невиданным зрелищем. С чистого неба неторопливо спускались седобородые маги. Странного покроя пятнистые мантии их величественно задирались, по посохам пробегали волны свечения.

– Где? Кто? Хватай! – завопил первый из них, оказавшись на земле, и тут же едва не упал, наступив на свою бороду.

Убийца наверняка посмеялся бы, не удирай он в этот момент во все лопатки. Связываться с решительно настроенными волшебниками, особенно с целой их толпой, он не собирался ни за какие деньги.

Горсточке пепла пятьсот бублей ни к чему.

Глава 4

Скрипя суставами и размахивая боевыми посохами, маги из группы быстрого реагирования приземлялись. Врага видно не было, и среди волшебников тут же началось ворчание и бурчание:

– Что это нас зря подняли?

– Меня, может, из-за спешки продует сейчас!

– А меня уже продуло! Ох как спину ломит!

Самому молодому в группе недавно исполнилось сто пятьдесят лет. Причиной тому являлся не какой-то возрастной барьер или необходимая выслуга лет. Просто созданием группы занимался назначенный ответственным за Волшебную Охрану профессор кафедры магии искусства Синиус Фляк.

Ему было поручено мобилизовать некоторую часть преподавателей для несения охранных функций. Он и мобилизовал в первую очередь тех, кого мог вспомнить. Учитывая выдающийся склероз профессора, извлечь из памяти он смог только тех, кто за многие и многие годы общения сросся с ней намертво.

Молодых людей там, естественно, не было.

– Тихо! – приказал командир группы быстрого реагирования, попавший на это место благодаря тому, что больше ста лет назад то ли служил в какой-то армии, то ли участвовал

в какой-то войне. – Разойтись.

– Ох, вот разойдусь! Мало никому не покажется! – пригрозил один из самых древних волшебников, но от исполнения угрозы его отвлек случившийся приступ ревматизма. Кряхтя, старый маг ударил посохом о землю и медленно полетел вверх.

Таскаться по лестницам, учитывая артрит и плоскостопие, ему было тяжело.

В панике Арс влетел в Магический Университет и помчался по коридорам и лестницам, не разбирая дороги. Какое другое строение и стерпело бы подобное обращение, но никак не здание МУ, построенное почти пятнадцать тысяч лет назад архитектором, который то ли регулярно ел салат из мухоморов, то ли просто страдал экстремальной шизофренией.

Порядка в его творении было не больше, чем в голове пьяницы, а заблудиться по пути, скажем, в туалет, тут мог не только первокурсник, но и преподаватель, проработавший не один год.

Случайные люди пропадали в МУ с удручающей регулярностью.

Когда Арс немного очухался, то обнаружил, что находится в совершенно незнакомом коридоре, лишенном не только окон, но и дверей. На стенах, ехидно потрескивая, горели факелы.

Арс огляделся и по здравому размышлению пришел к выводу, что через какое-то отверстие он сюда попал. Развернувшись, Топыряк пошел назад. Шаги глухо раздавались в абсолютной тишине.

Ощувив острый прилив страха, Арс побежал. По его расчетам, он преодолел расстояние, необходимое, чтобы пересечь весь МУ по длине раза три, а коридор все не кончался.

Страх сменился паникой.

Увидев дверь, Арс едва не закричал от радости. За ней обнаружилась ведущая вниз лестница. Топыряк заколебался: спускаться в подвалы университета, славные обилием чудовищ, не рекомендовалось даже профессорам.

Но вернуться назад, в бесконечный коридор...

Он решительно пошел вниз.

Чувство времени скончалось, задушенное тревогой и усталостью, и Арс просто брел, не глядя по сторонам и не думая, сколько он блуждает. Он уже не боялся, шагал, сворачивал, открывал двери, поднимался по лестницам.

Очнулся только обнаружив, что стоит у окна. У ОКНА!

За ним было темно. Сквозь висящее над Ква-Ква марево едва проглядывали звезды. Слабый свет позволял увидеть пустой двор университета, ворота с вросшими в землю створками. Драконьи головы, охраняющие их, показались Арсу в этот момент роднее, чем отец с матерью.

– Ура, – сказал Топыряк, оглядываясь. Он явно находился не на своем факультете, но это было уже не страшно, по-

скольку утром тут появятся люди, а они помогут дойти до выхода...

И в этот момент усталость взяла свое. Ноги подогнулись, Арс уселся на пол, прислонился к стене. Храп огласил пустынный коридор еще до того, как голова блудного студента упала на грудь.

Проснулся он оттого, что кто-то несильно, но настойчиво потряс его за плечо. Открыв глаза, Топыряк обнаружил рядом невысокую черноволосую девушку в алой мантии. На ней был вышит символ кафедры медицинской магии – череп, а под ним – две полосы, обозначающие второй курс.

– А? Да? – выбранные для приветствия слова нельзя было назвать галантными и даже удачными, но стоит учесть, что Арс только что проснулся. Его вежливость продолжала благополучно дрыхнуть.

– Доброе утро, – сказала девушка, глаза ее светились любопытством. – А что ты тут делаешь?

– Отдыхаю, – мрачно ответил Арс и попытался сесть. Затекшее от неудобной позы тело отозвалось вспышкой боли. – Заблудился я вчера, вот...

Признаваться в подобном студенту пятого курса было стыдно, но придумать какое-то изощренное объяснение не хотелось, да и вряд ли бы с этим справились только вышедшие из дремы мозги.

Но девушка не стала смеяться.

– Бедный, – сказала она участливо. – Бывает же такое. Пойдем, я провожу тебя до выхода. Кстати, меня зовут Айя.

– Арс, – автоматически отозвался он. – Спасибо... Но только к выходу мне нельзя...

– Это еще почему?

Арс встал. Вчерашний громила с ножом помнился отчетливо, вплоть до наколки в виде перстня на одном из толстых пальцев и до решительного блеска в маленьком глазу.

Обладатель такого глаза не отступит, будет караулить около университета до тех пор, пока жертва по имени Арс Топыряк не появится из ворот.

Лезть через ограду рискнул бы только полный псих. Безобидная решетка из металлических полос была абсолютно непреодолима снаружи и изнутри, даже обезьяна не смогла бы взобраться по ней, а слон – не сумел бы порвать.

Выйти в толпе? Это не даст убийце кинуться тут же, но не помешает выследить и прикончить Арса потом, дома или на улочках Ква-Ква, где валяющийся труп – такое же обыденное дело, как куча лошадиного навоза.

– Меня хотят убить, – промямлил Топыряк, запинаясь. Он был готов ко всему: к насмешке, к презрению, но только не к тому, что ему сразу и безоговорочно поверят.

– Ух ты! – восторженно сказала Айя. – Правда?

– Правда.

– Классно! Тебя преследуют бандиты? Мрачные здоровенные мужики с ножами?

– Ну, примерно так, – Арс решил умолчать о том, что мужик всего один. – И он поджидает меня у выхода.

– Супер! – медичка чуть не подпрыгивала от возбуждения. – Наверное, вы столкнулись из-за девушки, которую ты хотел спасти из его грязных лап!

– Э, кгхм...

Как ни странно, она приняла этот звук за согласие.

– Есть один способ выбраться из университета, – понизив голос, заговорщицки сказала Айя.

– Это какой? – занервничал Арс. О студентах-медиках ходили довольно жуткие истории, не с самой лучшей стороны описывающие их чувство юмора. Топыряку вовсе не улыбалось покинуть МУ по частям или под видом трупа.

– Каждый студент нашего факультета, начиная со второго курса, имеет право вызвать Скорую! – возвестила Айя тоном начинающего, но очень пылкого пророка.

– А что это?

– Это команда для вывоза в больницу особенно заразных или необычных больных, – пояснила девушка. – Ну и тех, которые не могут двигаться сами. Мы придумаем тебе какой-нибудь хитрый недуг, они приедут и заберут тебя. А тот, кто хочет убить тебя, останется с носом!

– Ну, э... – похоже было, что Арсу предложили стоящий план. Некоторые сомнения возникали по поводу того, что придется претерпеть определенные болезненные процедуры, применяемые всегда к захворавшим, хотя здоровые выдер-

жали бы их с большей легкостью. А из больницы можно будет сбежать, все же она чем-то отличается от тюрьмы. – Хорошо, вызывай Скорую.

– Ага, только придумаю, какой диагноз им отправить.

Айя напряглась, застыла, взгляд ее стал сосредоточенным. Девушка ничего не видела вокруг, в глубине ее глаз что-то посверкивало, будто кто-то с помощью пары факелов подавал оттуда сигналы.

– Уф, вот и все, – сказала медичка после паузы. – Через час-другой они приедут.

– Так долго? А вдруг для спасения моей жизни важна каждая минута?

– Ну, – Айя пожалала плечами. – По нашим дорогам быстро не поедешь, да и команд таких на город всего несколько штук. Попробуй доберись сюда быстро откуда-нибудь с правого берега или из Нор!

– А почему они тогда называются «Скорой»?

– Ну не называться же им «Медленной»?

Подобный аргумент Арсу в голову не приходил. Он поскреб затылок и вынужденно согласился, что первое название звучит куда красивее и вызывает больше доверия.

– А какую болезнь ты мне придумала? – спросил Топыряк.

– Криенский магический вирус, – махнув рукой, легкомысленно сказала Айя, – это такая штучка из Лоскута Криена, в котором во время магической войны погибло все население. Из остаточной интерференции заклинаний и роди-

лась эта пакость. Он вызывает язвы по всему телу, понос через уши и смерть через двое суток, если не начать лечение. Но вообще он еще плохо изучен.

Арс судорожно сглотнул. Описание симптомов, среди которых значилась смерть, его впечатлило.

– Ты только сообщи моим приятелям, что со мной стряслось, – сказал Топыряк жалобным голосом, словно и вправду заболел.

– Ладно, – кивнула Айя, выслушав описание внешности Шнора Орина и Нейла Прыгскокка.

С улицы донеслось раздраженное ржание и громогласный скрип. Выглянув в окно, Арс обнаружил, что во двор заезжает большая карета, выкрашенная алыми и белыми полосами. Точно таким же образом были изуродованы впряженные в карету лошади, что сделало их похожими на обгоревших под солнцем зебр.

– Ага, вот и они! – сказала Айя. – Побегу встречу. А ты упади на пол и лежи, тебе положено находиться без сознания.

Арс послушно брякнулся на спину и закрыл глаза. Некоторое время ничего не было слышно, потом до его ушей донесся шум приближающихся шагов и какое-то нехорошее звяканье.

– Вот он, – сказал кто-то, – кладите на носилки... Петруньо, срочно тест Иванова-Рормата!

Арса подняли за руки и за ноги, а потом без особых цере-

моний опустили на что-то твердое. «Если так обращаются с больными людьми, – подумал Арс, ощущая, как в спину ему с жадностью голодных комаров впились какие-то неровности, – то понятно, почему их приходится так долго лечить».

А еще что-то делали с его правой рукой. Закатали рукав, и к коже прислонилось нечто холодное, похожее на присоску. От нее потекли теплые струйки, нос уловил знакомый аромат магии.

– Ничего, никакой реакции, – удивленно сказал другой голос, когда тепло добралось до сердца.

– Поднимайте и несите! – приказал первый. – Быстрее, мы его теряем!

«Как же вы меня теряете? – хотел возмутиться Арс. – Вот он я!» Но вовремя вспомнил, что жертвам криенского вируса не положено вопить и вообще открывать рот.

– Может быть, стимуляцию? – предложил второй голос.

– Сделаем на ходу! – отрезал первый.

Кто-то закричал, неровности впились в спину Арса сильнее, он ощутил, что его подняли и куда-то понесли.

– Я сделаю стимуляцию, – сказал первый голос. – А ты, Петруньо, введи ему раствор на жабьих крылышках. Литра хватит.

Арс хотел заметить, что у жаб крылышек нету, но не успел. Две руки легли ему на грудь. Мощнейший заряд магии пронизал тело от пяток до макушки, заставив сократить-

ся все мускулы разом, а мысли – с испуганным писком выпорхнуть из головы.

Арса выгнуло дугой, изо рта его вырвался хриплый вопль.
– Ага, отлично. Давай еще!

Ко второму разу Арс оказался готов и даже не заорал, хотя ощущения были такие, словно его изо всех сил ударили раскаленной сковородой по затылку, по почкам и по пяткам.

Но на этом пытки не кончились. В рот протиснулось что-то скользкое, оказавшееся тонкой трубочкой. Из нее закапало нечто, по вкусу напоминающее желчь бешеной коровы. Горло обжигало, но Арс глотал, дабы никто не заподозрил, что он ощущает этот мерзкий вкус.

– Ну вот, теперь он у нас точно не помрет, – удовлетворенно сказал первый голос.

– Ага, – поддакнул Петруньо.

Арс был в этом совершенно не уверен. От всего, что сделали с ним, он почувствовал себя на самом деле больным. Тело ломило, мускулы подергивались, ныл желудок, которому не нравился раствор на жабьих крылышках, а в голове что-то мерзко ворочалось.

Сознание, напуганное потрясениями, начало меркнуть.

Когда Арс очнулся, его уже выволокли во двор. Приоткрыв глаза, Топыряк обнаружил рядом участливо глядящую на него лошадиную морду. Ее красно-белый цвет наводил на мысль о том, что начались кошмары.

Глаза пришлось закрыть.

Носилки с Арсом куда-то закинули, потом толкнули с такой силой, что они во что-то врезались. На живот студенту упало нечто большое и угловатое.

– Осторожнее! – сказал Петруньо сердито. – Если пациент без сознания, то это не повод, чтобы над ним издеваться!

– Да мы случайно, – без особого раскаяния пробурчал кто-то голосом гулким, как хохот в пещере.

Послышался щелчок от удара хлыстом, и карета, задрожав, сдвинулась с места. Колеса ее издавали такой громкий и пронзительный скрип, что его можно было использовать для поднятия мертвых – труп не выдержал бы подобного насилия над собственными ушами.

Вероятно, за Топыряком по ошибке прислали реанимационную Скорую.

Догадку подтверждал принудительный массаж – Арса побрасывало, а размещенные на носилках стратегическим образом неровности сладострастно впивались ему в спину. Колеса Скорой были заколдованы так, чтобы наезжать на все кочки и проваливаться во все рытвины, которых на улицах Ква-Ква великое множество.

Во время самых выдающихся подлетов Арс проводил в воздухе столько времени, что не без оснований пугался, что при падении промахнется мимо носилок. Но пока все обходилось.

Когда тряска немного поутихла (карета въехала в лужу, дно которой состояло из мягкой и липкой грязи), он рискнул

приоткрыть глаза.

Изнутри карета напоминала очень тесную камеру пыток, принадлежащую свихнувшемуся палачу. Тут имелись блестящие трубочки, свисающие и звенящие острые детали, непонятные раскоряки, резиновые груши и прочее, что способно вызвать у незнакомого с предназначением этих предметов лишь ужас.

У знакомого, кстати, тоже.

Среди этого хлама удачно замаскировались два тролля. Они выглядели наиболее безобидно и поэтому скользкий по магико-медицинским причиндалам взгляд невольно останавливался на каменистых физиономиях, на которых намертво застыло выражение, свойственное навесному замку.

Стало понятно, кто тащил носилки с Арсом и почему его так немилосердно швыряли. Тролли наряду с некоторыми достоинствами (большая сила, выносливость, общая толстокожесть), обладают и недостатками. Все же достаточно трудно объяснить существу, произошедшему от скалы, что такое деликатность.

Прочих членов экипажа Скорой Арсу видно не было, а голову он поворачивать боялся. Где-то за его макушкой происходил оживленный разговор.

– Док, а вам не кажется странным, что у него нет никаких видимых симптомов? – спросил тот, кого называли Петруньо.

– Криенский магический вирус – штука хитрая! – важно

ответил док. – Честно говоря, не очень понятно, что это вообще такое.

– А может, у него что-нибудь другое? Вдруг та девица ошиблась?

– Лучше не рисковать! Наша задача – не допустить эпидемии! – голос дока стал суровым. – Поместим этого парня в закрытый бокс на недельку и посмотрим, что будет!

«На недельку?» – Арс ощутил, что ему становится по-настоящему плохо. Столь долгое знакомство с больничной жизнью вовсе не входило в его планы.

– Эй, ребята, – сказал Топыряк, усаживаясь, – я совершенно здоров, остановите карету и выпустите меня!

– Ну вот, что я говорил? – док оказался маленьким толстячком, во внешности которого настораживал взгляд – добрый до умопомрачения. От этой доброты хотелось убежать и спрятаться. – Только больной человек будет говорить, что он совершенно здоров!

– Да, док, – Петруньо, дылда в драной мантии, которая когда-то была белой, скорбно кивнул. – Этот криенский вирус, похоже, еще и на голову действует!

– Вы что, не поняли? Я здоров! – выкрикнул Арс, начиная нервничать.

Но на его вопли не обратили никакого внимания.

– Эй, Сидящий-в-Тени и Украшенный-Птичьим-Пометом, привяжите-ка его, – приказал док.

Тролли с рокотом пробудились к жизни.

Традиция наречения имен в их роду не менялась много тысячелетий, с тех времен, когда они вели малоподвижный образ жизни и отличить одного от другого проще всего было по особенностям внешности (если такое слово применимо к разумным валунам!) или местонахождения.

К несчастью для Арса, те времена давно прошли. Нынешние тролли уступают в проворстве кошкам, но движутся достаточно быстро. Не успел студент дернуться, как был схвачен двумя парами рук, которые держали его с ласковостью горного обвала.

– Только не сломайте ему ничего! – прикрикнул Петруньо. – А то возись потом еще и с переломами!

– Да я не болен! – пыхтел Арс, тшась вырваться (с тем же успехом он мог попытаться спилить дерево воздушным шариком).

– Будет болтать, рот заткните! – приказал доктор. – Только не куском камня, как в прошлый раз. А то пришлось зубы пациента извлекать из пищевода.

Арс почему-то ощутил, что ему больше не хочется разговаривать. А поскольку с первой задачей тролли справились, примотав тело Топыряка к носилкам чудовищным количеством прочных ремней, то возможности двигаться он также оказался лишен.

Остаток дороги пришлось слушать, как док и Петруньо обсуждают проблемы иссечения какого-то пупочного сфинктера и применения для этого режущих чар седьмого

разряда.

Для непрофессионала тема, надо сказать, была не самая занимательная.

А потом карета остановилась.

– Приехали, – буркнул док, – выносите.

Дверцы в Скорой располагались не только сбоку, но и сзади. Когда они распахнулись, то Арс увидел широкий, обнесенный высокой стеной двор, по которому сновали люди.

– Где мы? – спросил он, когда тролли потащили носилки наружу.

– Это больница, – сообщил Петруньо таким тоном, словно разговаривал с трехлетним несмышленьшем.

– Понятно, что не таверна. Но какая?

– Фиолетовая, что на улице Дохлых Кошек.

– Ого.

Больниц в Ква-Ква было семь, и каждая называлась по одному из цветов радуги. Наверное, был в этом какой-то смысл, но маги-медики его упорно скрывали. Арсу еще повезло, что он не оказался в Красной, где любимым методом лечения простуды была трепанация черепа.

– Тащите его на третий этаж, к особым боксам, – сказал док.

Арс, чувствуя себя готовой к зимовке куколкой бабочки, мученически взирал на то, как его волокут по коридору, а потом по лестнице. В больнице былолюдно – сновал персонал в белых одеяниях, обильно запачканных тош-

нотворными жидкостями, бодро ковыляли пациенты.

Пахло чем-то горьким. Иногда через этот аромат пробивался запах горелой каши, хорошо знакомый Арсу по студенческой харчевне в МУ.

– Какой диагноз? – на третьем этаже Топыряка встретил бодрого вида маг в высокой полотняной шапке. Благоприятное впечатление портил висящий на его шее острейший клинок, испятнанный чем-то бурым.

За такой дружно удавились бы все убийцы Ква-Ква.

– Подозрение на криенский вирус, – не стал запираяться Петруньо, – и что-то с мозгами. Пациент утверждает, что здоров.

– Даже если так, то это только временно, – маг с клинком на шее улыбнулся так, что Арс почувствовал острое желание оказаться подальше. Где-нибудь в соседнем Лоскуте.

– Послушайте, я оказался тут случайно... – начал было он.

– Все ясно, коллега, – кивнул маг, – сейчас мы его успокоим!

Глаза его ярко вспыхнули, и Арс ощутил неодолимое желание спать. Веки Топыряка опустились так стремительно, что едва не прищемили торчащий из-под них взгляд.

– Ну, что вы выбрали, господин? – голос официанта просто истекал подобострастием.

Известнейший поллитртриналох Цук Цурюк поднял голову от меню, в котором ковырялся уже полчаса. Бывше-

му ассенизатору трудно было ориентироваться среди всяких «фрю де воляй» и «бош-флен» в соусе «буль-буль».

– Вот это, – сказал Краск Пух, тыкая пальцем наугад, – с гарниром из вот этого... и бутылку вот этого!

– Будет в лучшем виде! – официант улыбнулся, чтобы скрыть замешательство. Работая в ресторане гостиницы «Три носка» пятый год, он привык ко всему, но такого, чтобы клиент попросил маринованную селедку с гарниром из торта с марципанами, еще не видел...

Официант удалился, Краск Пух остался в одиночестве. Все в этом ресторане, от безупречно выглаженной скатерти до огромных зеркал на стенах, действовало ему на нервы.

В закусочной Гульга на Бронной улице было куда уютнее, несмотря на то, что пахло там протухшей блевотиной, в пиве плавали мухи, а за некоторые блюда приходилось сражаться с тараканами.

Все дело было в людях. Те, кто ужинал здесь, ощущали гордость по причине того, что перед ними кто-то пресмыкается. Отбросы общества, собиравшиеся у Гульга, не подозревали, что их кто-то так называет, а гордились тем, что добросовестно выполняли свою работу.

– Вот ваш заказ, господин.

– Благодарю, – Краск Пух с отвращением поглядел на предложенные ему нож и вилку.

Ах да, их нужно держать одновременно...

И принесли ему не совсем то, что он хотел. Вместо куска

хорошо прожаренного мяса в тарелке было что-то, под словом соуса могущее оказаться чем угодно, вплоть до обрезка подметки.

Плюнув на все, великий поллитртриналох схватил кусок торта руками. Он уже понял, что очень богатые люди не могут вести себя неприлично, в любом случае они проявляют естественную простоту.

Вся неприличность достается на долю бедняков.

Очнувшись, Арс первым делом ощутил голову. Точнее – угнездившуюся в ней боль.

Все остальное, кроме нее, было довольно неплохо. На теле не чувствовалось никаких ремней. Равно как и одежды. Он лежал совершенно голый под легким одеялом, и шершавая ткань чуть щекотала кожу.

– Что, очухался? – спросил кто-то рядом голосом настолько сильным, что было непонятно, как его обладатель вообще ухитряется разговаривать.

– Ага, – сказал Арс и открыл глаза.

Похоже было, что он попал во владения сумасшедшего, помешанного на зеленом цвете. Все тут было жизнерадостно-изумрудным: потолок, стены, пол, решетки на окнах, металлическая дверь со смотровым окошечком. Воздух в нем дрожал, показывая, что отверстие надежно перекрыто заклинанием.

– Что, впервые в больнице? – спросил сильный голос.

Повернув голову, Арс обнаружил его обладателя – шуплого, чудовищно волосатого мужика с огромной головой, главным украшением которой были длинные черные усы, торчащие, как кота. Облаченный в белые трусы в алый горошек, мужик сидел на кровати и легкомысленно болтал ногами.

– Ага, – сказал Топыряк.

– И какой диагноз?

– Я здоров!

– Это ты так думаешь! – усач ухмыльнулся. – Но те, кто поместили тебя сюда, считают иначе! А их мнение имеет несколько больше веса, чем твое. Усек?

– Усек, – ответил Арс, – они думают, что у меня этот... криенский вирус.

– Да, редкая штука, – усатый мужик покачал головой. – Иначе бы я о ней слышал. Я тут уже два месяца, а зовут меня Крофт Лар. Я гробокопатель.

После чего он спрыгнул с кровати и протянул руку.

– Кто? – спросил Арс, пожимая ладонь усача. – Грибокопатель?

– Нет, гробокопатель, – объяснил Крофт Лар, – разоритель гробниц. Вскрывал всякие древние склепы, забирал золотишко. Мертвым оно все равно не нужно. Работа грязная, не особенно почтенная, но прибыльная.

– А сюда как попал?

– В последний раз кроме сокровищ я выкопал какую-то пакость, – вздохнул Крофт Лар. – Представляешь, раньше я

был лыс как колено, а тут – оброс в три дня! Усы, шевелюра, да и по всему телу...

Он повернулся, демонстрируя спину, лохматости которой позавидовал бы волк.

– И еще всякие пакости начались, – дернул себя за ус гробокопатель, – я до ближайшего мага-целителя добрался, а он меня сюда упек...

– А эти – чего? – спросил Арс, обнаружив, что в комнате имеются еще две кровати, и обе – занятые. На одной из-под зеленого (само собой) одеяла торчала краснощекая физиономия, и ее обладатель крепко спал, на второй топорщилось что-то непонятное, мало похожее на человека.

– Тот, что дрыхнет, болен темпоральной лихорадкой, – сообщил Крофт Лар. – Его лихорадит временем. Сейчас у него глубокая ночь, и когда наступит утро, через пять минут или спустя год – не знает никто. Тяжелый случай. А другой...

Шлепая босыми ногами, гробокопатель подошел ко второй койке и слегка приподнял одеяло. Под ним виднелось человеческое тело, из которого росли деревья! Небольшие, в полметра, но самые настоящие. На яблоне можно было рассмотреть крошечные алые плоды.

– Дендронидные полипы, – сказал Крофт Лар. – Парень едва держится. Его каждый день одурманивают чарами, но помогает все слабее. Думаю, что резать будут.

– А это не заразно? – спросил Арс. – И твоя эта... волосатость...

– Кто же ее знает? – пожал плечами Крофт Лар. – Может, и заразная. На всякий случай нас сюда и поместили, чтобы мы других не заразили... Тебя-то как зовут?

– Арс. И долго я тут пробуду?

– Кто же знает? Вот скоро доктор Садюк придет с обходом, у него и спроси.

За дверью загрохотали шаги, слышались голоса.

– О, идут! – Крофт Лар прыгнул в кровать. – Ща осматривать будут.

В двери что-то загрохотало, Арс ощутил отзвуки отпирания дверей. В окошечке мелькнуло чье-то лицо, затем дверь распахнулась, и через порог ступил тот самый бодрый маг, который встречал нового пациента. На лице его играла улыбка, способная избавлять от хворей закоренелых ипохондриков.

– Так-так, – проговорил доктор Садюк, поигрывая висящей на шее зловещего вида железякой. – Что тут у нас сегодня?

Вслед за доктором в помещение вступил тролль, прихваченный на случай, если кто-то из пациентов начнет слишком бурно радоваться, и две женщины ужасно сурового вида.

На руках их красовались перчатки из кожи василиска, а лица прятались под тканевыми масками. Садюк такой защитой пренебрегал, и неудивительно: при его виде самый зловещий микроб упал бы в глубокий обморок.

Первым доктор подошел к мрачно сопящему Крофту Ла-

ру.

– Ну, как наши волосики? – спросил он игриво.

– Растут, – ответил гробокопатель.

– Печально, – улыбка пропала с лица Садюка так внезапно, словно ее сдернули за веревочку. – Сегодня попробуем мазь из бледной поганки с мандрагорой и «драконье дыхание»...

– Нет! – усы Крофта Лара встали дыбом.

– Да, – ласково возразил доктор, и гробокопатель сник. – Это для твоей же пользы.

Одна из женщин, стоящих за его спиной, что-то старательно записывала.

Когда Садюк повернулся к Арсу и ласково ему улыбнулся, тот ощутил сильное желание провалиться сквозь кровать, пол и даже землю. Компания обитателей Нижнего мира показалась ему в этот момент более привлекательной, чем общество доктора.

– Как себя чувствуете?

– Отлично, – пролепетал Арс тоном девочки, встретившей в лесу серого зубастого зверя, – я здоров...

– Если так, то мы не будем вас тут долго держать, – не стал спорить Садюк. – Но сначала мы проведем полное комплексное обследование. Вдруг криенский вирус все же поселился в вашем организме?

Спорить с этим доктором было все равно что пытаться плыть по земле.

– Внутренний осмотр, анализы, сканирование, – велел Садюк записывающей женщине. – А там посмотрим.

Заросшему дендроидными полипами и спящему он уделил немного времени, что было понятно – мучить находящихся в бессознательном состоянии вовсе не так интересно.

Когда дверь с грохотом захлопнулась, Арс и Крофт Лар одновременно испустили вздох облегчения.

– Скоро принесут завтрак, – сказал гробокопатель, – я пока не поем, не успокоюсь. Меня от одного вида этого типа тошнит...

Арса пока не тошнило, но он заподозрил, что это ненадолго.

Завтрак принесли через полчаса. Вновь заскрежетал замок, и в комнату вкатился толкаемый одной из женщин в ватисконовых рукавицах столик на колесах. На нем дребезжали исходящие паром тарелки.

Но Арса ждало серьезное разочарование. Молодой организм предлагалось насытить несколькими ложками каши, больше похожей на сгущенное чем-то напоминающим песок молоко, тремя кусками хлеба, которые зачерствели еще в прошлом веке, омлетом, похожим на раздавленного слизняка, и стаканом прозрачной жидкости с двумя чайнками на дне.

– И это все? – спросил он возмущенно. – Они что, издеваются?

– Пока нет, – ответил Крофт Лар. – Вот когда возьмутся

тебя обследовать, там-то и начнутся настоящие издевательства...

Просидев в кустах у входа в Магический Университет два дня, Кривой Билли заподозрил, что что-то идет не так. Нельзя было исключить, что жертва поселилась в стенах учебного заведения, надеясь дожидаться там того момента, пока убийца уйдет. Но опыт подсказывал Билли, что Арса Топыряка в пределах МУ уже нет...

И Билли был склонен этому опыту верить.

– Вот засранец, – сказал убийца, пряча нож и с хрустом распрямляя несколько затекшее тело, – как только выскользнул?

Приходилось обращаться к плану номер два.

Придав физиономии насколько возможно добродушное выражение (с тем же результатом медведь мог выдавать себя за червяка), Кривой Билли выбрался из кустов и принялся ждать.

Ожидание его длилось недолго, до первой группы студентов в зеленых мантиях.

– Не будете ли вы столь любезны, – сказал Билли, возникая перед ними с профессиональной бесшумностью.

Студенты дружно вздрогнули.

Кривой Билли собрался с духом и продолжил, насилуя язык, который все норовил произнести что-нибудь вроде «а ну все сказали, ублюдки!» или «замочу, умники!»:

– Не могли бы вы мне сказать, где обитает студент, именуемый Арс Топыряк? Он с вашего фак... фак... фримультета.

– Факультета, – поправил его кто-то.

– Точно, твою ма... в смысле, спасибо!

– А зачем он вам? – храбро спросила девушка, спрятавшись за спины приятелей.

– Я ему должен денег, хочу отдать.

Чем нелепее ложь, тем проще в нее верят. Если бы страховодный тип с одним глазом и шрамами на лице начал юлить, нести околесицу про то, что он любимый дядюшка, приехавший из деревни, ему бы не поверил никто. Но подобное наглое вранье сбило всех с толку.

– Вон туда, прямо, – сказал один из студентов, указывая на идущую от университета улочку, – по ней третий поворот направо, там будет переулок Семи Гномов. В нем дом такой серый, длинный...

– Благодарю вас, – из последних сил сдерживая рвущиеся с языка ругательства, Кривой Билли развернулся и зашагал прочь.

Только сделав первый из указанных поворотов, он облегчил душу. Выслушавший пятиэтажную тираду кот уважительно моргнул, а слабонервная сорока с истошными криками понеслась прочь.

Переулок Семи Гномов Кривой Билли нашел довольно быстро, как и большой серый дом. Но когда он ступил на дорожку, ведущую к дверям, на пути убийцы возникло пре-

пятствие.

При ближайшем рассмотрении оно оказалось толстой женщиной в огромной шляпе, украшенной таким количеством фруктов и цветов, что их хватило бы на небольшую сельскохозяйственную выставку.

– Кто вы есть быть? – спросила женщина строго, заставив Кривого Билли растеряться.

Госпожа Тюфяк, хозяйка дома, в котором снимали комнату Арс и Шнор, происходила из заштатного Лоскута к западу от Ква-Ква и всячески подчеркивала свое происхождение, разговаривая с нарочитой неправильностью. Из-за этого общение с ней напоминало разгадывание ребусов.

– Кто вы есть быть? Я вас спросить! – настаивала она.

Кривой Билли испытал чудовищной силы искушение устранить препятствие обычным для себя способом – ударом ножа. Но вокруг было слишком людно, и он сдержался.

– Я ищу одного человека, – проскрежетал он. – Его зовут Арс. Я должен ему денег!

Но на этот раз байка не сработала.

– Ай-яй-яй, – затрясла головой госпожа Тюфяк, рискуя закрепленными на шляпе сельхозпродуктами. – Врать хорошо не есть! Такой же как вы приходите вчера и тоже просить Арс! Тоже должен деньги. Я отказать – в этот дом приходите только приличный люди! И кроме того, Арс здесь не быть уже несколько день.

Пока Кривой Билли переводил услышанное в нормаль-

ные слова, госпожа Тюфяк буровила его недоброжелательным взглядом, годным для разведки глубоко залегающих месторождений нефти.

Осознав то, что ему сказали, убийца обомлел – что, кто-то приходил сюда раньше него? Что, этого студента ищет еще кто-то? Кто-то осмелился перейти дорогу ему, Кривому Билли?

Повторное искушение было еще сильнее первого. За то, что Билли не поддался, Кривого стоило признать святым, достойным вознесения прямо на Влимп и возведения в его честь храма Святого Убийцы...

Ведь он всего лишь заскрипел зубами.

– Нет, говоришь? – слова с трудом прорывались сквозь скрип. – Смотри, мамаша, если ты меня обманываешь...

Госпожа Тюфяк отступила на шаг. В крошечном, скрытом шляпой и черепом мозгу зародилось подозрение, что существуют люди, ее не боящиеся и даже способные причинить ей вред.

Это было сродни откровению.

Когда она пришла в себя, Кривого Билли и след простыл.

Надо сказать, что Дыры, равно как и Норы, представляют собой что-то вроде темного и сырого угла в доме, откуда расползается плесень разных видов, тараканы, клопы, муравьи и прочие разновидности паразитов.

Так вот убийцы занимают в этих темных углах города положение крыс – самых сильных и умных существ, или, если

использовать более благородное сравнение, – аристократов преступного мира.

Поэтому когда Кривой Билли пинком отворил дверь таверны «Тугая мошна», где собирались предводители обитающих в Дырах нищих, то завсегда и не подумали выразить возмущение. Они лишь поглубже втянули головы в плечи и предприняли попытку слиться с ландшафтом (ну или тем, что его заменяет в тавернах).

Совершенно безуспешную, надо сказать.

– Слушайте меня, – сказал Кривой Билли, выйдя в центр таверны и для убедительности поигрывая ножом, – и ты, Жирный Друмс, не отворачивай морду. Мне нужна одна услуга от вас, и кто ее окажет, будет радоваться этому не один год...

– Э, что ты хочешь? – спросил самый смелый из нищих, Однорукий Бобо. Рук у него было две, но в молодости он немало заработал, успешно скрывая конечность где-то в районе ягодниц.

– Чтобы вы нашли мне одного человека. – Кривой Билли обвел таверну взглядом единственного ока, и тупейший из сидящих за столами попрошаек понял, что отказать убийце будет неразумно.

И вредно для здоровья.

– Его зовут Арс Топыряк, он студент, – сообщил убийца, после чего описал внешность жертвы со всей возможной дошностью.

– Где он может быть, я не знаю, – сказал Кривой Билли на прощание, – и пусть все ваши подопечные ищут его: те, кто побирается у храмов, и жирующие за старыми стенами, и клянчащие на окраинах...

– Мы постараемся, – пообещал Однорукий Бобо. – Очень постараемся.

– Вот и отлично, – сказал Кривой Билли и вышел.

Откуда ему было знать, что вчерашним днем в Норах похожий разговор состоялся у Косого Эдди с некоронованным правителем норных побирушек Золотым Ойлем.

И закончился он примерно с тем же результатом.

Глава 5

С улицы Фиолетовая больница встречала гостей высокой и мощной стеной, способной вызвать зависть у некоторых крепостей. В ней имелись ворота, предназначенные выдерживать удары тарана, и крошечная калитка – для прохода посетителей.

Шнор Орин толкнул ее и тут же был остановлен властным окриком:

– Куда?

Дорогу Шнору преградила необъятных размеров дама в хламиде серого цвета, метла в ее руке смотрелась оружием, более опасным, чем копьё или меч. Под суровым взглядом Орин затрепетал, ощутив себя насаженным на булавку жуком.

– Друг у меня... тут... эээ...

– Я спрашиваю, куда на чистое прешь? Не видишь, тут разметено?

Шнор опустил взгляд. Обширный больничный двор был замощен серыми плитами, и отличить, какие плитки являются чистыми, а какие – нет, не смог бы даже орлиный взгляд. Их все покрывал слой грязи.

– Э, а куда идти?

– Вон туда! – хозяйка метлы подняла руку, словно изготовленную из цельного бычьего окорока.

Шнору Орину, ругаясь про себя, пришлось пробираться вдоль стенки. Его провожали подозрительным взглядом. Только вступив на крыльцо, студент вздохнул с облегчением.

Когда черноволосая девица с кафедры медицинской магии явилась вчера к нему домой и рассказала, что Арс в больнице, Шнор сначала решил, что это шутка. Потом подумал, что с приятелем случилось чего-то серьезное, и лишь затем до него дошло, что таким образом Арс Топыряк спасся от неведомого убийцы.

– Ты спрятала его в больнице? – спросил он, изумленно глядя на медичку, которая представилась как Айя.

– Да, и что тут такого? – на лице девушки отразилось недоумение.

Шнор промолчал. Если выбирать, то он предпочел бы быструю смерть.

Больницы предназначались для спасения жизни и здоровья людей, а также представителей прочих разумных рас. Но, несмотря на это, они пользовались славой мрачных застенков, где свирепые доктора удовлетворяют садистские инстинкты, мучая больных всякими хитроумными способами...

Иной точки зрения придерживались разве что сами маги-лекари.

Пройдя в дверь, Шнор Орин оказался перед закрывающей проход металлической решеткой. Сбоку у нее имелась небольшая кабинка, которую занимала еще одна монумент-

гальная дама в серой хламиде.

– Куда? – спросила она.

– И тут разметено? – удивился Шнор, пришедший к выводу, что работниц в Фиолетовую больницу набирают по одному признаку – способности перещеголять объемами гипопотама.

– Куда идешь? К кому? – повторила дама.

– Арс Топыряк, его привезли к вам пару дней назад, – сказал Шнор.

– Так, – дама в будочке зашелестела пергаментными листами, – есть такой. Этаж три, бокс третий... Допуск ограничен, к тому же сейчас не часы для посещения. Ты ему кто: отец, мать?

– Я-то? – был соблазн назваться братом, но Шнор Орин его преодолел. – Друг. Но у него родственников в Ква-Ква нет! А я студент, мне и так пришлось с занятий отпрашиваться!

– Ладно, – дама смягчилась. – Иди уж. Только калоши надень.

У подножия будочки обнаружился деревянный ящик, в котором хранились несколько пар дырявых и грязных галош. С какой целью визитер должен был напялить их на нижние конечности, оставалось неясным. Шнор подумал, что тут замешаны какие-то древние обычаи.

Когда он нацепил галоши, дама в будочке что-то нажала, и решетка с душераздирающим воплем, на который способны

разве только баньши или привидения высшего класса, отъехала в сторону.

– Справа будет лестница, – сказала дама. – По ней до третьего. Там свернешь влево и потом спросишь.

Пройдя несколько шагов, Шнор, как в стену, уткнулся в облако запахов. Пахло чем-то горьким, горелым и еще неприятно сладковатым – короче говоря, пахло больницей.

По лестнице поднялся без приключений, но едва вышел на третий этаж, как чуть не столкнулся с каталкой. Толкал ее равнодушно выглядящий тролль (они всегда так выглядят, каменные лица не очень-то выразительны), а на зеленой простыне, закрывающей лежащее на каталке тело, проступали кровавые пятна.

Шнор содрогнулся. Каталка, дребезжа и подпрыгивая, покатила дальше.

Орин зашагал по коридору, минуя расположенные по обеим сторонам одинаковые двери. Из-за одной донесся металлический лязг и хруст, сменившийся истошным воплем:

– Нет, я буду, буду есть то, что вы сказали! Ааа!

– Поздно! – ответил полный гнева голос. – Раньше надо было думать! Теперь я возьмусь за тебя всерьез! Ха-ха!

На спине Шнора объявились мурашки. Решив, что место подходящее, они принялись топтаться и скакать туда-сюда целыми табунами, щекоча кожу холодными лапками.

Орин невольно ускорил шаг и вылетел в небольшой квадратный вестибюль. С двух его сторон были окна, с третьей –

мощная дверь, снабженная множеством замков и охранных заклинаний.

– Вы к кому? – спросила сидящая за конторкой суровая женщина в зеленом халате. Она была чуть помельче первых, но этот недостаток компенсировался решительным выражением лица, перед которым отступил бы и бультерьер.

– К Арсу Топыряку. Друг, но родственников у него нет, – Шнор высказал все сразу, не дожидаясь вопросов.

И, похоже было, поступил правильно.

– Одевайтесь, – проговорила суровая женщина, извлекая откуда-то из-под конторки огромный мешок из полупрозрачной ткани.

– Что это?

– Защитное одноразовое приспособление. Не допустит к вам болезнетворную магию и вирусы, – сообщила женщина. – Без него я не имею права впустить вас внутрь.

В защитное приспособление полагалось влезать целиком. Забравшись в него, Шнор ощутил себя довольно интимным органом, который иногда обряжают подобным образом. Видно сквозь ткань было плохо, а шагать приходилось осторожно, чтобы не наступить на край.

Женщина долго грохотала замками, отпирая дверь. За ней открылся короткий коридор, в который выходили еще шесть дверей, монументальных, как в банковском хранилище. От наложенных на них заклинаний шевелились волосы.

Снова замки, и после пяти минут ожидания и потения

(помимо вирусов, защитное устройство не пропускало еще и тепло) Шнор шагнул в бокс номер три, напоминающий внутр-ренности зеленой раковины.

Арс был тут. Бледный, как первый снег, он лежал неподвижно, уставив взгляд в потолок.

– Эй, Арс? – позвал Орин. – Ты жив?

– Жив он, – ответил усатый мужик с соседней кровати. – Только умучили его. Обследовали сегодня.

– Шнор? – Топыряк приподнял голову. – Ты пришел? Ты принес поесть?

– Нет, – Орин даже отступил на шаг. – А зачем? Разве тут тебя не кормят здоровой и питательной пищей?

– Не знаю как насчет здоровой и питательной, но пищей я бы это не назвал, – откликнулся Арс, изобразив на лице величайшее отвращение.

Лежащий на кровати в углу краснощекий здоровяк прекратил храпеть, с невероятной скоростью вскочил, сожрал все со стоящего около изголовья столика, потом опять рухнул в кровать и заснул.

– Что с ним? – осторожно спросил Шнор.

– Темпоральная лихорадка, – охотно пояснил усач. Оде-яло сползло с его груди, обнаружив буйную поросль чер-ных волос, в которой кое-где виднелись проплешины. – Для него сейчас прошел целый день. В прошлый раз, когда он проснулся, то пытался поговорить с нами, но ничего у него не вышло. Слишком быстро слова произносит...

– Ух ты! – Шнор поднял руку, чтобы почесать в затылке, но внутри защитного приспособления оказалось слишком тесно. – А с тобой что, Арс?

– Криенский вирус, – мрачно буркнул Топыряк. – Его пытаются найти во мне второй день. Чего только не делали. Знаешь, что такое сканирование?

– Нет.

– Это когда твои внутренности просматривают при помощи хрустального шара. Копаются в них, будто в собственном кармане. Ощущения такие, словно внутрь к тебе забралось десятка два мышей, которые бегают всюду и все время кусают...

– Ого.

– Есть еще чего похуже...

И тут Арс пустился в жуткие рассказы о внутреннем осмотре, об анализах и прочих «прелестях» больничной жизни, которые делают ее более привлекательной, чем отдых на курорте.

– Э, да, – сказал Шнор, когда ощутил, что его начало тошнить. – Все это ужасно интересно, но мне пожалуй, пора.

– Погоди, – Арс нахмурился, – ты что, не сможешь мне выбраться отсюда?

– Лучше тебе побыть здесь, – Орин оглянулся и чуть понизил голос, – а то заходила мадам Тюфяк, рассказала, что о тебе спрашивали какие-то типы, все как на подбор одноглазые...

– Да? – Арс побелел, точнее попытался это сделать, но поскольку он и так был бледным, то бледность его кожи стала более густого оттенка, вплотную приблизившись к абсолютному рекорду белизны, принадлежащему горным снегам. – Ну тогда... это... да...

– Не скучай, – бодрым голосом, каким и полагается разговаривать с больными, сказал Шнор, отступая к двери, – ребята обещали зайти, Рыггантропов с Тили-Тили. Будут новости – мы тебе сообщим.

Дверь открылась и вновь захлопнулись, оставив больничных узников в изумрудной юдоли скорби.

– Эй, ребята? – прохрипел со своей койки пораженный дендроидными полипами, неожиданно пришедший в сознание. – Навозу не подбросите? А то они, гады, подкормки требуют...

После беседы с начальством лейтенант Поля Лахов чувствовал себя не самым лучшим образом. Но учитывая, что этим начальством был Игг Мухомор, удивляться не приходилось. Наследник славных аристократических традиций и верный слуга города, Магучий Единственный Ночальник Торпливых (сокращенно – МЕНТ) знал только один метод воздействия на подчиненных – разнос, но зато владел им в совершенстве.

По выработанной среди городских стражников шкале Лахову достался разнос класса «шторм средней силы», так что,

спускаясь по лестнице, лейтенант несколько пошатывался. В голове у него звенело.

Но все же он нашел силы удивиться, когда заметил у двери, ведущей в Место Временного Тишайшего Отдохновения (попросту говоря, в тюрьму, расположенную в том же здании, что и стража, а точнее – под ним) самого обыкновенного нищего, оборванного, грязного и вонючего, как помойная яма. При виде лейтенанта нищий исчез со скоростью мысли, заглянувшей не в ту черепушку.

– А ему-то что здесь надо? – спросил Лахов, достигнув двери.

– Так спрашивал, не сидит ли у нас некто Арс Топыряк, – через окошечко ответил несущий стражу капрал.

– Ага, – глубокомысленно сказал лейтенант, выбираясь на улицу. Имя это было ему знакомо и вызывало не самые приятные воспоминания о странных убийствах, гневе начальства и говорящих козлах...

– Ну что? – хором спросили ожидающие Лахова сержанты Дука Калис и Васис Ргов.

– Плохо дело, – грустно ответил Лахов. – Никакого выходного. Приказано повысить бдительность в преддверии выборов и не корчить из себя идиотов...

– Это как? – удивился Калис.

– Кто бы знал, – Лахов почесал шлем где-то в районе макушки. – Пытался я ему объяснить, что мы ничего из себя не корчим, да ничего не вышло.

– Нет, это так оставить нельзя! Надо выпить! – воскликнул Васис Ргов. Подобные предложения поступали от него по любому поводу и без оногo, и всегда встречали горячее одобрение в сердцах коллег.

Уж в чем в чем, а в потреблении пива стража оправдывала свое гордое название – Торопливые.

– Надо, – согласился Поля Лахов.

Стражники двинулись по давно проторенному маршруту, который по улице имени Тридцатисемилетия Отрытия Канавы вел прямиком к кабачку «Потертое ухо».

– Не многовато ли тут нищих? – удивленно спросил Лахов, уворачиваясь от очередной протянутой к нему ладони, грязной, словно лопата, которой только что грузили навоз.

– Да, есть маленько, – согласился Ргов, у которого от доносящегося со всех сторон нытья «Подайте убогому, пожалейте калеку, на хлебушек не хватает...» звенело в ушах. – Сегодня от них просто не продохнуть.

– Надо с этим разобраться! – Дука Калис споткнулся о костыли, аккуратно положенные поперек дороги, после чего наклонился и одним движением вздернул их владельца на ноги.

– А ну! – прорычал он, раздувая ноздри и бешено сверкая глазами. – Говори, гад, чего тут делаешь?

Происходящий из горцев, сержант знал о сдержанности примерно столько же, сколько морж о бальных танцах, а все проблемы решал самыми простыми методами, чаще всего

мордобоем.

– Д-денежки с-собираю, – проямлил нищий, слабо трепыхаясь в лапищах Калиса.

– Не ври, – строго сказал Поля Лахов. – А не то мой приятель даст волю кулакам...

Нищий огляделся в поисках поддержки, но его коллеги расплзались со скоростью ящериц, завидевших опасность.

– Зачем кулакам? – кровожадно просопел Калис. – Я его просто зарежу!

– Ладно-ладно, – пробормотал нищий, – велели найти одного человека...

– Кто велел? Кого? – При каждом вопросе Калис встряхивал нищего, и в недрах организма попрошайки что-то звенело, наводя на мысли о золоте.

– Однорукий Бобо... Арса Топыряка...

– Этого студента? – изумился Васис Ргов. – На кой он сдался Однорукому?

– Не знаю... не могу сказать... меня убьют!

– Если не скажешь, точно убьют, – уверенно кивнул Лахов. – Я даже знаю, где и когда. Ну что, будешь отвечать?

– Говорят, – нищий вытаращил глаза до такой степени, что стал похож на рыбу-молот, – что его попросил кто-то из убийц... чуть ли не сам Кривой Билли!

– Сказки! – рыкнул Калис. – Можно, я его зарежу? Сниму стресс заодно...

– Брось, – Лахов сморщил длинный нос и чуть нахмурил-

ся. – Вряд ли он скажет больше. Пойдем, а то пиво кончилось...

Вот уж последняя фраза была точно из сказки. Пиво в «Потертом ухе» не кончалось никогда.

– Странно это, – задумчиво сказал сержант Ргов, когда Торопливые прикончили по первой кружке.

– Что странно? – спросил Калис, который обладал уникальной способностью жить одним моментом.

Иногда это сильно мешало тем, кто пытался с ним общаться.

– То, что один из лучших убийц нашего города ищет обычного студента, – Васис Ргов восседал за столом в позе мыслителя, подперев кулаком небритую щеку. – И вряд ли для того, чтобы затеять с ним диспут по теоретической магии...

– Убийцы ищут людей с одной единственной целью, – авторитетно добавил Поля Лахов.

С неторопливым причмокиванием опустошили еще по кружке.

– Все же это мне интересно, – не унимался Ргов, – пожалуй, стоит найти Кривого Билли и потолковать с ним. Узнать, кто его нанял...

– Тащиться в Дыры? По этой холодине? – сморщился Калис.

– Почему бы нет? Мне тоже интересно, – сказал Лахов. – Так что давайте еще по одной и прогуляемся!

Калис вздохнул. Он остался в меньшинстве.

– Ну что, господа, – пропыхтел Тощий Брык, потирая руки самым непотребным с точки зрения кашалотов образом, – техническое совещание позвольте считать открытым!

Двое соперников в борьбе за кресло мэра уставились на него с тем же добродушием, с каким гиена глядит на шакала, первым успевшего к телу антилопы.

– Начнем-начнем, – процедил Вейл Фукотан, – только я не понимаю, почему вы ведете себя так, словно вы тут главный!

– Ведь всякому ясно, что главный – я! – отрезал Крак Мясоруб.

Фукотан смерил его взглядом, в котором было больше льда, чем в средних размеров айсберге.

– Ну-ну...

– Хватит спорить, господа! – воззвал Тощий Брык, про себя кляня соперников самыми последними (и предпоследними, так как последних не хватало) словами. – Мы собрались тут не для того, чтоб выяснить, кто главнее, а чтобы определить, каким именно способом укокошить нашего любимого мэра...

Раздалось слитное пыхтение. Подобное издает бык, сильно разочарованный тем, что вокруг нет подходящих кандидатур для поднятия на рога. В данном случае быков было два.

– Пусть мой помощник начнет первым! – надменно заявил Вейл Фукотан.

– Хорошо, – согласился Тощий Брык, жестом успокаивая готового вскинуться Мясоруба.

– Ну, для изничтожения ворогов имеются многообразные заклятия, проклятьями, порчами и сглазами именуемые, – заблеял пожилой волшебник, пришедший вместе с Фукотаном, – самыми же эффективными из них признаются проклятья, поелику...

– Нельзя ли поконкретнее? – Тощий Брык сморщился.

– Вот я и говорю, – обиделся маг, – что заклинания, проклятьями именуемые, самые лучшие, поскольку...

Пришлось ждать еще минут десять, прежде чем выяснилось, что пожилой волшебник предлагает использовать древнее и ужасно могучее проклятье под названием Серебряное Копытце.

– Э, а что оно делает? – недоуменно поинтересовался Крак Мясоруб, смущенный безобидным названием.

– О! – маг воздел к потолку узловатый артритный палец. – Оно заморозит всю кровь в теле прокливаемого, и тот умрет не позднее, чем через полгода...

– Этот волшебник явно спец по исторической магии, – прошептал в ухо нанимателю Скрытный, – это проклятье уже несколько тысяч лет как не использовали!

– Хорошая штука, – преувеличенно бодро сказал Тощий Брык. – Только как-то долго действует. За эти полгода Мо-

сик Лужа с помощью поллитртрриналохии нас в бараний рог скрутит! Это все, что вы можете нам предложить?

Старый маг выглядел смущенным. Вейл Фукотан аристократично глядел в сторону.

– Ерунда все это, – Крак Мясоруб махнул рукой так, словно в ней был зажат топор, – вот мой... точнее, наш план!

– Сглаз, – проговорил явившийся с ним маг, – дешево и сердито. Три ведра телячьей крови, пара килограмм воска, сотня-другая каленых на огне иголок... и Мосик Лужа, скорее всего, помрет в страшных мучениях.

– Скорее всего? – возмутился Вейл Фукотан. – Что, может и не помереть?

– Ну, как бы да... – смутился волшебник. – Сглаз стопроцентной гарантии не дает.

– Дешевка, – прокомментировал Скрытный, – этот парень в черной политической магии еще новичок. Но это и понятно, на настоящего специалиста у Мясоруба не достало бы денег...

Температура дискуссии тем временем повышалась.

– Где ты взял этого недоучку? – презрительно спросил Вейл Фукотан.

– На себя посмотри! – огрызнулся Мясоруб.

– Ах так?

– Да, так!

– Тише! Тише! – Тощий Брык поднял ладонь. – Мы не можем рисковать проклятьями или сглазами! Послушайте,

что предложит мой человек!

Спорящие конкуренты замолкли, но продолжали бурлить друг друга злобными взглядами.

– Господа, – сказал Скрытный выразительно. Это был миг его триумфа, и он намеревался насладиться им в полной мере, – есть такая штука, как порча. Для нашей цели, а именно для быстрого умерщвления человека, лучше всего подходят следующие ее виды...

Волнующий и красочный рассказ о порче и ее последствиях прерывался несколько раз – утонченное нутро Вейла Фукотана не выдерживало подробностей и его срочно требовало опустошить.

Проще говоря, его выводили поблевать.

Крак Мясоруб, навидавшийся на бойне всякого, крепился, но все же и его лицо стало белым. Волшебники по очереди издавали рыгающие звуки, напоминая старые, разладившиеся унитазаы.

Тощий Брык, который слушал это во второй раз, мог им только посочувствовать.

– Э, – сказал он, когда Скрытный умолк, – ну что, вы впечатлены, господа?

– Ага, – судорожно кивнул Мясоруб, – особенно тем вариантом, когда плоть заживо пожирают черви...

Вейл Фукотан дернулся, словно собираясь опять выскочить за дверь.

– Да, – проговорил он, – это очень воодушевляет... но

ведь у мэра тоже есть маги. Не смогут ли они отвести порчу?

– Исключено, – уверенно сказал Скрытный, – для этого нужны познания, которых у магов-администраторов просто нет...

– Но то, что вы предлагаете, ужасно сложное колдовство! – проблеял старый волшебник. – Требуется уравновесить семь центров силы, обратиться к источникам энергии черной стороны космоса...

– С вашей помощью я справлюсь, – кивнул Скрытный. – Ведь вы не откажетесь мне помочь?

Повисло неловкое молчание. Маги переминались с ноги на ногу, не желая признаться, что в настолько грязном чародействе им участвовать совсем не хочется.

– Э, а что с тем студентом, который нас подслушал? – спасая положение, поинтересовался Мясоруб. – Его нашли?

– Он скрылся, – Скрытный про себя выругался – разговор свернул с предписанного пути. – Но его ищут, а когда найдут, то заставят умолкнуть навсегда!

– Будем на это надеяться, – холодно сказал Тощий Брык. – Ведь если этого не случится, ты рискуешь разочаровать меня, Скрытный.

Маг порадовался, что лицо его скрывает капюшон. В отличие от большинства обитателей Ква-Ква он очень хорошо знал (прочие лишь догадывались), что именно происходило с людьми, а также иными разумными существами, которые разочаровали Тощего Брыка.

Они расставались с жизнью быстрым, но очень болезненным способом.

– С исключительным прискорбием должен тебе сообщить, – доктор Садюк поглядел на Арса с таким участием, что тот покрылся испариной, – что никаких следов криенского вируса в твоём организме не обнаружено...

– Уххх, – вздох облегчения едва не сорвал с головы большого мага шапку.

– Но это вовсе не значит, что ты здоров! – закончил доктор. – Завтра мы переведем тебя в обычную палату и подержим там пару дней. На всякий случай...

Арс кивнул. Он уже уразумел, что спорить с этим человеком так же бесполезно, как с сыплющейся на тебя лавиной.

– Вот и славно, – кивнул доктор Садюк и повернулся к Крофт Лару. – Так, а что у нас, мой волосатенький?

Гробокопатель от подобного комплимента вздрогнул.

– Нормально, – сказал он, демонстрируя магу руки, на которых от прежней буйной поросли остались жалкие островки. «Драконье дыхание» и бледная поганка в смеси с мандрагорой делали свое дело.

– Очень славно, очень, – с явным сожалением пробормотал Садюк, – если дело так пойдет, то через пару дней придется тебя отпустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.